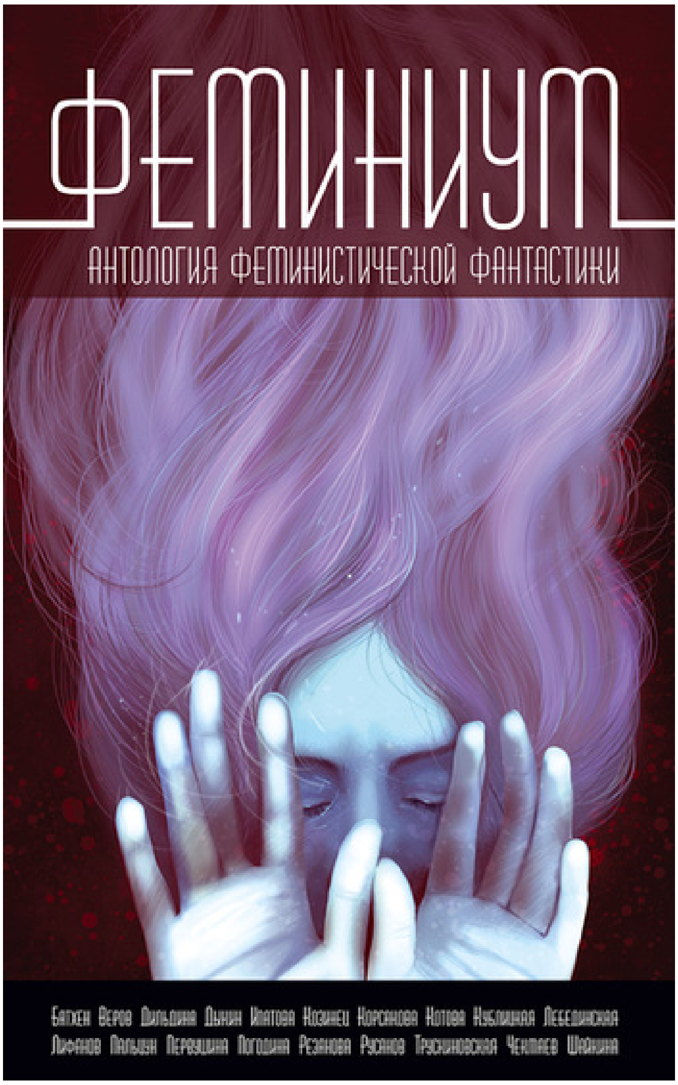
ФЕМИНИУМ
АНТОЛОГИЯ ФЕМИНИСТИЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ
Батхен Веров Дильдина Дьякин Ипатова Козинец Корсакова Котова Кублицкая Лебединская
Лифанов Пальшин Первушина Погодина Резанова Русанов Трускиновская Чекмаев Шайкина

Далия Трускиновская
Фемиуум (сборник)

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805445
Фемиуум: Снежный Ком М; М.; 2011
ISBN 978-5-904919-26-9

Аннотация

Что общего между феминизмом и фантастикой? А вот что: некоторые завзятые феминистки пишут отличные фантастические рассказы, а некоторые известные фантасты сочиняют истории из жизни отважных, решительных и технически грамотных женщин. Если пригласить тех и других, то получится сборник «Фемиуум».

Разгадывайте наши загадки, переживайте за судьбы наших героинь, вместе с ними празднуйте победы!

Содержание

ОДНА ПРОТИВ ВСЕХ 4
Людмила Козинец 4
Наталья Резанова 12
Пролог 12
1 18
2 32
Вячеслав Дыкин, Далия Трускиновская 51
Владислав Русанов 59
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Далия Мейеровна Трускиновская
Фемининум

ОДНА ПРОТИВ ВСЕХ

Людмила Козинец
ПРИЗ

На планете Тера – весна. В поймах спокойных рек цветут бледные кудрявые ирисы, заливные луга осыпаны золотой купальницей. Восковые кисти жасмина пригибают ветви до самой земли, сверкающими каплями падают в цветы пчелы. Птицы раскатывают серебряные шарики песен.

На планете Тера – праздник. Над Главной площадью реет белый с алым стяг, и важный герольд в старинной одежде трижды объявляет условия традиционного турнира: «…а буде кто из доблестных рыцарей пройдет первое испытание, то в честь его пусть поют звонкие трубы и чашу славы примет тот из рук Королевы. А кто пройдет второе испытание – в честь его ударят барабаны, и Королева пожалует его поцелуем. Победителю третьего тура наивысочайшая награда – рука и сердце Королевы…»

– Смотри, смотри! – Художник Тиль возбужденно дергал своего друга, поэта и скептика Дана, за рукав. – Да взгляни же, сухарь! Какие парни! Один лучше другого!

Дан, сощурив иронические глаза, молча разглядывал участников традиционного весеннего соревнования юношей. Их было четверо на этот раз, меньше, чем обычно. Одетые в тонкие металлизированные комбинезоны, они напоминали статуи из хромированной стали. Они были под стать друг другу. И на их лицах лежало одинаковое выражение решимости. Наверное, для них это была не просто игра, как для зрителей, в нарядной толпе которых ждали начала состязания художник Тиль и поэт Дан.

Претендентов на руку и сердце Королевы весеннего праздника осыпали белыми цветами, болельщики приветствовали каждого из них смешными стихотворными лозунгами.

Дан тихонько, словно предостерегая, сказал:

– А сейчас появится Королева. – И его тонкий длинный палец указал на высокую, видную всем и отовсюду площадку.

Волна торжественной музыки, взрыв фейерверка подняли на эту площадку избранную Терой Королеву, самую красивую девушку этой весны. Четыре подруги сопровождали ее, придерживая по краям дымчатое покрывало, за которым не видно было лица Королевы.

Герольд взмахнул жезлом. Зрители, затаив дыхание, поднялись со своих мест. Девушки медленно уронили покрывало.

– О! – Художник Тиль лихорадочно шарил по скамье, отыскивая альбом и карандаш. – Какая красавица! Я должен написать ее!

Поэт Дан улыбнулся и скрестил на груди руки, явно не разделяя всеобщего восторга. Тиль остался недоволен другом:

– Эх, Дан, что-то рано ты состарился! Все радуются, все счастливы, а ты…

– Не все.

– Что?

– Тиль, друг мой, неужели ты не видишь – не все счастливы на этом празднике весны? Посмотри внимательнее на нашу Королеву.

Тиль привык доверять своему другу, поэтому присмотрелся к лицу Королевы, которое через мгновение скрыла вуаль, наброшенная заботливыми подругами. Художник успел увидеть гневные горячие глаза, страдальчески заломленные брови, злую слезу на щеке, закушенные губы.

Какая странная девушка. Ей оказана высочайшая честь – она Королева праздника Весны, она признана самой красивой девушкой планеты, она станет супругой самого доблестного рыцаря. И она – гневна?

– Что с нею, Дан? Да сотни девушек на ее месте умерли бы от счастья.

– Видишь ли, Тиль, на ее месте сейчас – она, а не сотни. И кто знает, может быть, это место не для нее?

– Ну, знаешь, Дан, в конце концов, ее никто не заставлял. Могла отказаться. Или ты забыл, что у девушек тоже конкурс, и непростой? Она должна быть не только красива, но и умна, выдержанна, хладнокровна.

– Друг мой, тебе известно, что мне вообще это никогда не нравилось.

В ответ потерявший дар речи художник возмущенно затряс вытянутой рукой, указывая на две сияющие мраморные фигуры, изящно замыкавшие площадь. Юноша и девушка, Рыцарь и Королева Весны, символы красоты и молодости.

– Это?! Это тебе не нравилось?

– Успокойся, Тиль. Не это, а совсем другое. – И Дан сделал неопределенное движение кистью руки. На тонком запястье сверкнула узенькая цепочка. И художник Тиль примолк – он хорошо знал и очень не любил этот жест своего друга: будто Дан медленно поворачивал шпагу, вонзая ее в тело врага.

Поэтому Тиль счел за лучшее прекратить беседу и обратить свое внимание на поле турнира. Королева же, поприветствовав рыцарей и зрителей, скрылась вместе с подругами в кружевной беседке.

И вот голос герольда чеканит формулу открытия праздника.

Но вдруг ритуал прервался. Возникло легкое замешательство, какие-то люди столпились у трибуны судей. Колыхнулись малиновые перья на шляпе герольда: он наклонился низко к судьям, выслушал что-то и кивнул.

Оказывается, еще один рыцарь заявил участие в турнире. Имя свое объявить отказался.

Он появился на поле, одетый, в отличие от остальных, в черный, армированный тонким металлическим панцирем костюм. Лицо его было скрыто сеткой забрала.

Он молча отсалютовал соперникам, сделал поклон в сторону беседки Королевы и занял место в ряду рыцарей. Внимание зрителей было приковано к таинственному незнакомцу. В этой тонкой, гибкой фигуре было что-то роковое. Поэт Дан даже припомнил старую сказку о том, как на день рождения к принцессе явился однажды злой колдун, из чего воспоследовало много неприятностей. Но художник Тиль засмеялся:

– Рекламный трюк, вот увидишь! Сами устроители турнира и придумали, чтобы подогреть интерес к нему. Но перестарались явно! Тайны! Маски! Черные одеяния! Как в плохом провинциальном театре.

– Увидим, – спокойно парировал Дан.

Рассыпалась дробь барабанов. Маленькие пажи снаряжали рыцарей для первого испытания – стрельбы из арбалета.

Одновременно подошли к проведенной на земле линии рыцари, разом вскинули к плечу арбалеты. И посыпались стрелы в мишени неподвижные и бегущие, прячущиеся, летающие, прыгающие. И стрелы были разные – кованые металлические, легкие, оперенные ажурно, с наконечниками косыми, треугольными, зазубренными, крюками вместо острия.

С первых же выстрелов симпатии публики были на стороне рыжеволосого гиганта Рэна. Его стрелы мощно рассекали воздух и пробивали мишень насквозь.

Совсем иначе стреляли неизвестный и его сосед справа Лон. В их действиях была синхронность – они одинаково и одновременно пускали стрелу, подтягивали тетиву арбалета, накладывали новую. Их стрелы летели по косой плавной дуге, вонзаясь в мишени легко и точно, но лишь самым кончиком острия.

Когда подвели итоги, неожиданно для всех выяснилось, что первое состязание выиграл Лон, а гигант Рэн должен покинуть поле турнира.

Маленькие пажи увенчали Лона цветами, и он направился к беседке Королевы под пение серебряных труб. Королева, скрытая колеблющейся дымкой вуали, протянула Лону прозрачную чашу ароматного настоя трав. Лон поклонился и принял чашу. Зрители стоя рукоплескали рыцарю, испившему славы.

И вот на рубеже второго испытания четыре рыцаря. Далеко за рекой взвился на холме вымпел, отмечающий финиш следующего испытания. А на поле вывезли четыре стальные клетки с дикими, прекрасными мустангами. Зрители притихли на трибунах. Рыцари Весны должны были справиться с этими чудовищами, оседлать их и добраться до вымпела за рекой, причем никто не знал, что подстерегает их в пути.

Рокотнули барабаны, и тишина зависла над полем. Лязгнули замки клеток.

Лон раскручивал лассо. Кэсс держал на изготовку короткое ружье, заряженное сетью. Дэй готовился обуздать животное с помощью бола – тяжелых деревянных шаров, связанных прочной веревкой. Это орудие нужно было метнуть точно в ноги коню и умудриться при этом не поломать их.

Всех удивил незнакомец в черном. Он стоял совершенно спокойно, и в руках у него был только белый платок. Более того, он нетерпеливо отшвырнул ногой приготовленные пажами заранее сбрую и седло.

И вот они встретились – люди и кони. Мгновенно арена состязания превратилась в пыльный смерч. Различимы лишь отдельные детали: Лон, заарканив коня, пытался свалить его и надеть узду. Дэй неудачно бросил бола, и разъяренный конь поднялся на дыбы. Кэсс, спутав животное сетью, уже седлал его.

Незнакомец же стоял совершенно спокойно, ожидая четвероногого противника. Угольно-черное животное летело, как грозовая туча. Выждав единственно возможный момент, незнакомец сделал лишь шаг в сторону и вскинул белый платок. Кусок легкой ткани лег прямо на ноздри коня. Тот сбился с летящего галопа, замотал головой и зафыркал. И тогда незнакомец, ухватившись одной рукой за гриву коня, легко взлетел ему на спину. В следующую же секунду конь был взнуздан: белый платок, скрученный жгутом, оказался во рту животного, а за концы его держался всадник, туго взявший необычную узду. Необычной была и посадка всадника: сдвинувшись близко к шее коня, он закинул ноги на широкий круп животного, сжимая его бока коленями.

Зрители кричали в восторге, швыряя на арену цветы.

К финишу рванулись двое: Лон и незнакомец. Чуть позже – Кэсс. Внимание публики разделилось – у каждого были уже свои любимцы.

Кэсс перелетал барьеры и успешно догонял соперников. Но на пути неожиданно выросла стена огня. Гудящие языки его, казалось, доставали до неба. Конь Кэсса шарахнулся, всадник не смог совладать с ним. Они рухнули оба в кусты у дороги. Все, время потеряно безвозвратно.

Лон гнал коня к финишу не оглядываясь. Вдруг из-за деревьев засвистели стрелы – рыцарь попал в засаду. Стрелы, правда, были с резиновыми наконечниками-присосками, но если бы хоть одна попала в жизненно важный центр, Лона сняли бы с дистанции. Поэтому он не стал медлить.

Он поднял коня «свечкой» – стрела свистнула под брюхом животного. Потом, отпустив повод, скользнул с седла – стрела прошла над ним. Так, ловко увертываясь, Лон умудрился получить только одну стрелу в бедро. Не опасно. Вперед!

А вот незнакомцу в черном на черном коне приходилось плохо. На крутом повороте дороги на него из поднебесья спикировало ужасное существо с перепончатыми крыльями. Выглядела химера впечатляюще – техники, обслуживающие турнир, постарались.

Всадник принял бой. Главная трудность заключалась в том, что нельзя было ни на мгновение бросить узду. Крепко перехватив ее левой рукой, черный всадник выхватил из ножен короткий меч.

Гремели крылья химеры, звенел меч. Удар, еще удар – короткий, разящий. Одно крыло химеры повисло тряпкой. Чудовище утратило способность атаковать сверху. Еще одна молниеносная схватка – и по дороге покатилась отрубленная голова химеры.

Всадник бросил меч и стиснул коленями бока коня. Молнией прянул конь через овражек – и в реку.

Но у вымпела на холме уже ликовал Лон.

Ведя коня в поводу, победитель спешил к беседке Королевы. Сыпалось торжественное стаккато барабанов, зрители срывали голоса, славя рыцаря. Королева сделала шаг навстречу.

Но что это? Королева жалует рыцаря поцелуем, не подняв вуали с лица! Такого еще не было! Королева недовольна своим доблестным рыцарем?!

Лон побледнел – такая награда граничила с оскорблением.

Художник Тиль возмущенно обернулся к Дану:

– Нет, она все-таки не в своем уме! Как же это?

Дан усмехнулся загадочно:

– Не спеши. Эта Королева мне все больше нравится.

Тиль махнул рукой и повернулся к арене.

Итак, их осталось двое. Лон и неизвестный рыцарь в черном. Впереди последний этап соревнований. Что ждет отважных рыцарей?

Вот стоят они посреди арены, уже заметно уставшие. Лон выиграл два этапа. Но надо признать, что незнакомец мало уступал ему. Третье испытание решит все.

Они остаются одни перед мрачным провалом пещеры. Их ждет подземный лабиринт, тьма и безмолвие и новые опасности.

Кто выйдет из подземелья первым и со славой? Кто получит руку Королевы?

Они уходят, не оглянувшись. И вдруг остро чувствует Дан, что Королева, что вроде бы и ни при чем тут Королева, что она – такой же реквизит праздника, как убитая незнакомцем химера. Так ради чего же идут в подземелье рыцари? Неужели только гордыня ведет их? Или борьба самолюбий? Это надо обдумать…

Рыцари вступили под низкие закопченные своды пещеры. Два узких коридора уходили в разные стороны и вниз. Вглядываясь в мерцающую тьму, сосредоточенные, они еще раз проверили снаряжение.

Лон, повинуясь безотчетному движению души, повернулся к своему сопернику и протянул ему раскрытую ладонь. Незнакомец будто не понял сначала, даже в сторону шарахнулся, но затем нерешительно подал руку, не сняв металлизированной перчатки. Они крепко сжали друг другу пальцы. В темноте слабо светились маячки, приколотые на груди. Молча они разошлись каждый своей до-рогой.

Лон спускался медленно, ощупью. Дорога отнимала все внимание, но приходилось не забывать и о том, что подземный коридор таит сюрпризы. А вот, кажется, и первый.

Лон почувствовал, как что-то прикоснулось к его лицу. Словно старая сухая паутина. Не отпуская страховочного репа, Лон нашарил у пояса нож.

Паутина плотно обняла плечи, добираясь до рук. Лон взмахнул ножом. Тенета рвались с сухим треском, по нитям бежали синие искры. Потом нити стали более плотными, толстыми. Это уже были щупальца.

Лона прошиб пот. Воображение рисовало обладателя этих щупалец. Лон забился в жутких объятиях. Задыхаясь, он боролся с невидимой опасностью, отсекал щупальца, защищая горло. Нож несколько раз попал во что-то мягкое, студенистое.

И вдруг все кончилось. Его отпустили, и что-то с легким шумом скрылось в боковом коридоре.

Рассуждать было некогда, Лон поспешил вперед. И тут же пожалел о своей торопливости. Не заметив обрыва, оступился. В последнее мгновение успел зацепиться руками за каменистый выступ. В какую-то секунду он пережил острый страх смерти: ноги болтались в пустоте. Теперь самое главное – спокойствие. Лон отдышался, приник всем телом к камню, нашел опору для колена. Медленно подтянулся на руках, борясь с острым желанием вцепиться в камень зубами. И вот он лежит ничком на тропе, успокаиваясь и обдумывая дальнейший путь. Пропасть, как миновать ее?

Лон потерял довольно много времени, отыскивая дорогу на ощупь. Оказалось, что тропа есть – едва приметная, полуосыпавшаяся. Боком, распластываясь, обнимая ледяную скалу, стараясь стать невесомым, сантиметр за сантиметром продвигался Лон вперед. Сыпались из-под ноги камешки…

Потом у него было только одно желание: упасть и лежать долго. Оказалось, что бороться вот так, в одиночку, без соперников и публики, гораздо труднее.

Но нужно было торопиться. Лон подтянул реп и двинулся вперед. Подумал о своем противнике: как он? Интересно, что у него?

Коридор резко свернул влево. Лон остановился. Прислушался. Вроде тихо. Осторожно высунул нос из-за поворота. Ничего. Странно, такое удобное место для ловушки.

Коридор плавно впадал в пещеру. Посреди парило туманом небольшое озерцо. В пещере было светлее, чем в коридоре, хотя источник света невидим. Создавалось впечатление, что светилась вода в озере. Дробью сыпались где-то капли. Тук, тук, тук… Капель мешала сосредоточиться. Лон осмотрелся. Черт побери, а ведь пещера замкнута, выхода нет. Как же быть? Он присел на обломок базальта. И еще раз медленно, методично осмотрел подземный зал. Выхода не видно. Значит, что?

Значит, нужно вернуться. Наверное, он проскочил какой-нибудь боковой коридор.

Но как только он сделал несколько шагов назад, сверху с жутким грохотом обрушилась глыба, отрезав путь. Видимо, так было задумано, и выход из пещеры должен быть.

Лон зачерпнул воды из озера, умылся. Вода была ласковая, душистая. Решил перекусить, достал сверток с бутербродами, снял обертку. Бросил смятую бумагу в озеро и впился зубами в бутерброд, губами придерживая листик салата. Скосил глаза, опасаясь, что сооружение из хлеба, масла, сыра, ветчины и сардин рассыплется.

Белый комок обертки, постояв на поверхности воды неподвижно, двинулся, словно подгоняемый ветром. Лон замер, следя за его движением. Комочек двигался по спирали к центру озера. Быстрее, быстрее. На середине озера он вдруг ушел под воду. Следовательно, вода вытекает через отверстие в дне водоема… А ведь на глаз незаметно было никакого течения.

Лон вдруг понял, что придется нырять, и озноб прошел вдоль хребта. Ох, как ему этого не хотелось.

Он доел бутерброд, смахнул крошки. Отстегнул реп – к чему он теперь, если конец его уходит под рухнувшую глыбу.

И тяжелая вода сомкнулась над ним. На глубине было темно, но ток воды указывал направление. Лон обнаружил в дне неровную, с острыми краями дыру. Обследовав ее, всплыл, хватил воздуха, продышался и снова ушел вглубь.

Ощупью продвигался он в кромешной тьме, экономно стравливая воздух. А если этому подводному тоннелю не будет конца еще минуту-две? Может быть, вернуться, пока не поздно?

Сознание уже туманилось, когда Лон увидел впереди мутное светлое пятно. Изо всех сил рванулся он на свет. Ему казалось, что легкие сейчас лопнут, когда он пулей выскочил из воды и хлебнул воздуха. Сладкого, кружащего голову воздуха!

Восстановив дыхание, Лон огляделся. Его несла подземная река. В два взмаха рук он добрался до берега, ладонями отжал одежду.

Лон совершенно потерял счет времени – ему казалось, что он провел в подземелье полжизни. Прикинув направление, двинулся за течением реки.

Идти было удобно, берег плотно укатан волной. Но так продолжалось недолго.

Просыпалась сверху струйка пыли, зашуршали мелкие камешки – и покатился камнепад. Лон успел среагировать: кинулся к скале, приник к ней, и смертоносный поток прошел мимо. Долго еще висела плотная едкая пыль.

А в общем ничего особенного ему в пути и не встретилось. Признаться, он ожидал больше фантазии от устроителей состязания.

Лон легко прошел узкий карниз над провалом, отрицательный горизонт, взял вертикальную стенку. И увидел впереди выход из подземелья, заплетенный диким виноградом и ежевикой. Лон оборвал колючие плети и вышел под ясное высокое небо.

Несколько секунд он стоял, зажмурившись, подставив лицо жаркому солнцу. Душистый ветер с лугов высушил одежду. Голубой мотылек коснулся крылом щеки Лона. Мир был прекрасен.

А когда Лон открыл глаза, он увидел неподалеку своего соперника. Тот сидел, уронив меж коленей руки, бессмысленно глядя в долину. Его черный костюм висел лохмотьями, на серебристом плетении основы дымились клочья обгорелой ткани. Остро пахнуло серой, оплавленным пластиком.

Они молча посмотрели друг на друга. Глаза незнакомца поблескивали за сетью забрала.

И тогда Лон впервые за все время состязания заговорил, сам поражаясь клокочущей в горле хрипоте:

– Знаешь, друг, мне сейчас больше всего хочется послать их всех подальше. Праздничек Весны, ничего себе!

– Дошло? – иронично ответил незнакомец. – Погоди, еще не все до тебя дошло.

И они обнялись. Из долины бежали люди, но они были еще далеко. Соперники начали спускаться.

Лон поздно заметил легкое, бесшумное движение в кустах. С горизонтальной ветки, усыпанной лиловыми цветами, прянуло темное блестящее тело, и Лону показалось, что молния прошила руку. Не успев еще постигнуть мыслью случившегося, Лон ухватил другой рукой тугое тело змеи, оторвал его от себя и стукнул о камень.

Незнакомец растерянно посмотрел на Лона, на мертвую змею и пробормотал:

– Ну, это уже и неспортивно…

– Да нет, – перебил, болезненно морщась, Лон. – Змеюга настоящая. Это же «черная молния». Конец мне, парень…

Он опустился на землю, отирая обильный пот, заливавший глаза.

– Это мы еще посмотрим, – бросил сквозь зубы незнакомец, и в руке его блеснул короткий кривой нож.

Лон дернулся, но его схватили чуть не за горло и крепко прижали к земле. Незнакомец откинул забрало шлема и быстро провел языком по губам и деснам. Затем глубоко вздохнул и рассек кожу на руке Лона, сделав в месте укуса крестообразный надрез. Хлынула кровь, пробиваясь неровными толчками сквозь черные сгустки. Несколькими движениями незнакомец согнал из раны отравленную кровь и припал губами к надрезу. Несколько минут он отплевывался кровью Лона. Наконец аккуратно соединил края надреза, плотно перехватил руку лоскутом одежды. Извлек из кармана белый патрон инъектора и приложил его к предплечью укушенной змеей руки. Отбросив пустой патрон, он улыбнулся:

– Все будет хорошо, друг.

Лон слабо ответил на улыбку – то ли малая толика все-таки попавшего в кровь яда, то ли переживания лишили его сил.

– Эй, парень, а ведь я тебя где-то видел, – сказал он.

Незнакомец поспешно опустил забрало шлема – как дверь захлопнул.

– Показалось.

– Наверное…

Подоспели люди. Над Лоном склонились медики, незнакомца окружили пажи и герольды. Соперников разделили. Но Лон отказался ехать в клинику, он настоятельно потребовал, чтобы ему позволили остаться.

Они стояли вдвоем на высоком помосте посреди арены. Гремела музыка, сыпались метелью лепестки белых цветов. Лону было трудно стоять, он чуть опирался на плечо черного рыцаря.

Трубадуры пели славу. Взмыли в небо стаи птиц. И вслед за ними взлетело бы и имя победителя, но оно неизвестно. И высокое жюри учтиво просит победителя открыть свое лицо и назваться.

Лон отступил на шаг и с любопытством следил, как его удачливый соперник распускает ремешки шлема. Зрители затаили дыхание, художник Тиль прицелился карандашом. Спокойным оставался лишь Дан, и по его улыбке можно было судить, что ему-то прекрасно известна тайна незнакомца.

Неизвестный рыцарь снял шлем. Рухнули на спину и плечи тяжелые темные волосы, с выражением дерзкой победы глянули в лицо граду и миру горячие гневные глаза. И праздник Весны узнал свою Королеву.

Единодушно вздохнула арена и разом повернулась к беседке. Возле нее снимала с рыжих кос флер та, которая подносила Лону чашу славы, жаловала его поцелуем. Была она одной из подруг Королевы.

– Ну что? – спросила Королева. – Победа за мной? Кто посмеет оспаривать?

И герольды склонили штандарты.

– Никто? Хорошо. Итак, высокое жюри и уважаемая публика, отдайте мне приз. Отдайте мне меня! Моя рука принадлежит мне! Мое сердце – мое!

Королева обвела взглядом арену.

– А теперь я ухожу.

И она ушла. Одна. Даже Лон не посмел последовать за ней, хотя долго провожал ее взглядом. Потом он сел на ступеньке помоста и обхватил голову руками.

Ненужными побрякушками лежали на столе жюри лента победителя, призовая ониксовая чаша, венок из роз, алый плащ.

– Ну зачем ты придумал все это, неугомонная твоя душа? Дан, ты слышишь меня? – художник Тиль смотрел на своего друга с укоризной.

– Что? – очнулся Дан. – Зачем? Придумал? Видишь ли, я скептик, но я поэт, человек сентиментальный, и я наверняка приделал бы к этой истории хороший конец. Но, как видишь… Славная девушка, Тиль!

– Что ж, славная. Но зря она все-таки сорвала праздник. Впрочем, я желаю ей удачи.

– Удачи… Ее заполучить несколько сложнее, чем выиграть турнир Весны. Но я почему-то спокоен за нее. Уж эта не будет сидеть сложа руки и ждать, когда удача к ней явится. Кстати, а где Лон?

Наталья Резанова
АРАУКАНА

Пролог

Об этом позже узнал губернатор, желавший видеть этого индейца живым, и говорят, что из-за этого происшествия отряд передали капитану Касадеванте, а меня вернули в прежнюю должность.
Каталина де Эраусо. «Воспоминания»

1609 г., Новая Испания, провинция Чили, долина Пурен

Только бы успеть, думал губернатор, только бы успеть. Дела и без того таковы, что врагу не пожелаешь… или нет, именно врагу и пожелаешь… а тут еще и это. Вернуться из Консепсьона к расположению войск и узнать, что вместо верного Касадеванте против Киспигуанчи бросили роту Диаса. Был грех, понадеялся – а вдруг оно и к лучшему, проклятый мапуче избавит от проклятого баска, меньше будет мороки. Как же, избавил. Прискакал радостный вестовой, сообщил, торжествуя: отряд ренегата перебит, а сам он захвачен. Неприлично радовался, скотина. И было же приказано – оставить дона Франсиско живым. И не объяснишь ведь этим воякам почему.

Хотя были бы поумнее, и сами б догадались. Наемникам в Новой Испании платят больше, чем в Европе, золотом платят, простому солдату – по двести золотых песо, и вовремя, а откуда мне золото взять?

Но… были бы поумнее, черт бы их понес в эту богом забытую страну. Забытую Богом, но до сих пор не оставленную попечением здешних языческих демонов. Иначе как бы удавалось арауканам который год не только держать оборону, но и наносить поражения лучшим солдатам в мире – испанским?

Потому что это, почтенные сеньоры, не Мексика и не Перу, где первые конкистадоры с небольшими отрядами легко покоряли города и королевства. Это страна людей, которых свои же собратья-язычники назвали «злые враги». И это еще в те времена, когда они сражались пешими, и были у них только копья, палицы и топоры. А с тех пор как мы дали им лошадей и мушкеты, с тех пор как они научились обрабатывать железо, переняли обычай воевать в строю… лучше не вспоминать. Но лишь против здешних племен правительство Новой Испании не ограничилось присылкой отдельных отрядов, а создало армию из наемников. И все равно, война в стране Арауко длится десятилетиями, и не видно ей конца.

Уж конечно, не из-за предательства прикормленных губернаторами касиков, крестившихся и ставших испанскими дворянами. То есть не только из-за него…

Нет, лучше пусть не догадываются.

Так или иначе, Киспигуанча нужен живым, чтоб он там ни натворил. И потому дону Гарсии Ремону, вместо того чтобы рассылать гонцов, как приличествует его званию, приходится самому скакать вслед за вестовым. Потому что в противном случае Диас приказом способен и пренебречь.

Он успел. Как водится – в последний момент. Потому что они уже собрались вздернуть Киспигуанчу на дереве. На высоченной старой акации. Дон Гарсия скомандовал охране, и они понеслись вперед, сминая невысокий кустарник. Предупредить о прибытии губернатора. Потому что с парней Диаса вполне станется дать залп по вновь прибывшим. Честно

говоря, понять их можно. В стране Арауко, а в долине Пурен тем паче, пока станешь разбираться, кто здесь добрый католик, а кто язычник, кто верный поданный короля Фелипе, а кто подлый мятежник и ренегат, пристрелят. Или голову снесут. Или копьем проткнут. Или все это разом.

Но у дона Гарсии не было никакого желания их понимать.

По крайности, подъехать он смог со всем возможным в данной ситуации достоинством. И по мере приближении их увидел. Один – связанный, с веревкой на шее, но тем не менее взирающий свысока на своего противника. И другой, небрежно положивший руку на эфес кавалерийской шпаги.

Дон Франсиско Киспигуанча, богатейший землевладелец из местных, предавший христианскую веру и своего короля ради языческих сородичей.

И капитан Алонсо Диас, герой нижних чинов и вечная головная боль властей.

Гарсия Ремон не знал, кого из них он ненавидит больше.

Как-то принято считать, что индейцы и ростом, и сложением уступают белым завоевателям. Те, кто так считает, никогда не видели воинов мапуче. Дон Франциско, может, и утерял за годы оседлой жизни стать античного героя, но все равно выглядел довольно внушительно, даже в своем нынешнем жалком положении. А наемник-баск, невысокий, худой и жилистый, рядом с ним – весьма невзрачно. Тем не менее, судя по донесению, именно он в поединке сбил Киспигуанчу на землю и заставил просить пощады. Диас был из тех, что берут в бою не силой, а природной ловкостью, отличным владением оружием – а также исключительной агрессивностью.

Поразмыслив, дон Гарсия пришел к выводу, что Диас все же ненавистен ему больше. Хотя весьма сомнительно, что он и впрямь Диас: в Испании носить такую фамилию – все равно что не иметь никакой, а королевство Перу он покинул, явно спасаясь от правосудия.

Есть такая порода людей, что незаменимы на войне, но невыносимы в мирных условиях. Ибо понятия о дисциплине имеют весьма смутные. Если вообще имеют. И Диас – ее ярчайший представитель.

Выслужился из рядовых. Три года назад после битвы при Вальдивии получил звание альфереса[1], а после гибели капитана Гонсало Родригеса принял его роту и пребывает в капитанской должности, хотя приказ о назначении, который упорно подсовывает губернатору секретарь, уже полгода валяется на столе неподписанным.

Зерцало доблести, храни нас от таких пресвятая дева Мария.

– Диас! Что за беззакония вы творите! Или забыли приказ – проявлять милосердие к противнику, если он сдается?

– А нет у меня милосердия к предателям, – Диас говорил негромко, голос его скорее напоминал ворчание.

– Это не дает вам права нарушать приказ!

Диас повернулся к губернатору. Он был молод, но весьма внятно некрасив – резкие черты лица, длинный нос, шапка курчавых волос, глубоко сидящие глаза. И в них явственно читалось: «И что ты мне сделаешь? Дальше Насимьенто не пошлют, меньше полуроты не дадут…»

Дон Гарсия, пренебрегая этим наглым взглядом, обратился к пленнику:

– Дон Франсиско! Вам обещали пощаду, когда взяли в плен?

Лицо индейца, скульптурное, горбоносое, со следами ритуальных шрамов на щеках, было мрачно. Он, разумеется, сразу заметил ловушку, заготовленную губернатором для наемника. Однако утвердительный ответ ранил его гордость.

---

[1] Альферес (знаменосец) – в испанской армии XVII века второй офицер в роте. Звание соответствовало званию лейтенанта в армиях других стран.

Но позволял остаться в живых.

– Да, – после промедления ответил он. – Я сдался при условии, что мне сохранят жизнь.

– Значит, Диас, вы не только пренебрегли приказом, но и нарушили слово испанского офицера?

К счастью для губернатора, Алонсо Диас в силу смутного происхождения и образования не был знаком с рыцарским кодексом и не мог привести в свою защиту его положение: «По отношению к простолюдинам, иноверцам и предателям никакие клятвы недействительны». Потому что Киспигуанча подходил по меньшей мере под два из трех определений.

Впрочем, баск нимало не смутился.

– Не помню такого, – процедил он. – А хоть бы и так. Или вы не слышали, дон Гарсия, что арауканы наших в плен не берут?

Солдаты подтянулись к своему командиру, явно готовясь его поддержать. Уж им-то слишком хорошо была известна судьба сотоварищей, не имевших счастья погибнуть сразу. Им вырезали сердца, но обычно этим не ограничивались. Говорили, что такой казни удостаиваются лишь самые знатные и храбрые. Остальным заживо отрезали острыми раковинами руки и ноги, а затем поедали, пока жертвы еще могли это видеть. Под ропот наемников Гарсия Ремон прикидывал, что делать дальше. Отпустить Киспигуанчу немедленно никак нельзя.

– Я забираю дона Франсиско с собой. До рассмотрения его дела он будет находиться в крепости Консепсьона. – Он, в противоположность баску, говорил громко, чтоб его слышали и свита, и наемники. – А вас, Диас, по совокупности ваших проступков лишаю командования отрядом. Он будет передан капитану Касадеванте. Вы незамедлительно отбудете в гарнизон Насимьенто – в звании альфереса, как и подобает.

Насимьенто на реке Био-Био из всех пограничных фортов имел наихудшую славу, не зря солдаты из «крепости Рождества» переименовали его в «крепость Погибели». Может, хоть там мерзавец свернет себе шею. Или мапуче сделают себе из его черепа пиршественную чашу, как они поступили с генерал-губернатором Лойолой. Хотя из этого черепа вряд ли получится большая чаша.

Когда они отъехали подальше, губернатор приказал развязать Киспигуанче руки. Предупредил:

– Не вздумай бежать. Я обещал, что доставлю тебя в крепость, и обязан это сделать.

Дальше их лошади пошли голова к голове.

– А ты обещал, что меня не тронут!

– Ты сам виноват. – Гарсия Ремон оглянулся, чтоб убедиться – никто из свиты не подслушивает. – Незачем было нападать на отряд Диаса. Это же первый отморозок на всю армию!

– Мне говорили, что он перерожденный шаман. Я хотел его испытать.

– Шаман… – дон Гарсия не сразу вспомнил значение слова. – Брухо? Про Диаса много можно сказать плохого, но колдовство не по его части. Вот карты и поножовщина – другое дело…

Киспигуанча не стал отвечать. Как можно вообще иметь дело с человеком, не знающим самых простых вещей?

Но приходится.

Индеец-ренегат и губернатор провинции ненавидели друг друга, но были прочно связаны узами крепче кровных. Оружие и золото – вот имя этих уз. Если быть совсем точным – золото и серебро. Месторождения их находились во владениях касика Киспигуанчи, именно это и сделало его самым влиятельным среди своих сородичей в Чили. Где точно – губернатор не знал, но в местах труднодоступных – в пустынях и горах. Пытать Киспигуанчу и его людей было бы бесполезно, дон Гарсия достаточно знал, что представляют собой мапуче.

Но оказалось, что с ним можно договориться. Слитки менялись на оружие и порох. Обмен держался в тайне, посвящены в него были только самые верные люди, ибо иначе и дона Гарсию, и дона Франсиско могли счесть предателями. Причем каждый из них был свято уверен, что помогает своему народу и своей стране.

Несколько месяцев назад Киспигуанча предупредил губернатора, что прочие вожди стали относиться к нему с подозрением и, чтобы вернуть их доверие, он должен перейти на сторону мятежников. Для вида, сказал он. Но, конечно же, увлекся. Арауканы не зря считались самым воинственным народом Новой Испании.

Теперь приходилось пожинать плоды этого увлечения.

И так они прибыли в Консепсьон, еще с прошлого столетия имевший статус благородного и законного города. Статус сей не помешал арауканам во время очередного восстания полностью разрушить город, но во время предыдущего губернатора – де Риверы – он был заново отстроен. Теперь де Риверу перевели в Тукуман, а дон Гарсия занял его резиденцию. Туда он и направился, а дон Франсиско – в крепость. Как ему было обещано, ненадолго.

Когда губернатор пришел навестить Киспигуанчу, он был в крайне дурном расположении духа. Тому было две причины, и одна вытекала из другой.

Первая – индейцы в долине Пурен снова перешли в наступление. И вторая – навстречу им перебросили значительную часть гарнизона Насимьенто. И Диас пробыл в ссылке всего лишь несколько дней. Опытных кавалерийских офицеров у нас, видите ли, не хватает, заявил командующий операцией Альваро Нуньес де Пинеда. И верно – не хватает…

И ведь всегда у мерзавца находятся заступники. То дон Альваро. То Хуан Понсе де Леон. Ну, с этим все ясно – такой же сумасшедший, как все в их роду, все лавры покойного деда, спутника Колумба, завоевателя Пуэрто-Рико, а главное – искателя источника вечной молодости, спать не дают, и с Диасом они одного поля ягода.

Когда-нибудь я его повешу, пообещал себе дон Гарсия. Диаса, конечно, Понсе де Леон сам себе погибель обеспечит, как дедушка. Вот получит мерзавец увольнительную, вернется в Консепсьон, и тут без драки или поединка не обойдется. Тогда я ему петлю на шею и наброшу.

Мечты, мечты… Пока предстояло решать более насущные проблемы. В первую очередь, объяснить Киспигуанче, что его нельзя выпускать из крепости до тех пор, пока арауканы не будут отброшены. И это не единственная причина…

Киспигуанча, разумеется, ничего не желал понимать. Вел себя так, будто дон Гарсия не спас его от верной гибели, а нанес ему глубочайшее оскорбление. В камере вообще отказался разговаривать – мол, он должен видеть солнце (губернатору чилийское солнце, невыносимо палящее летом и совершенно не греющее зимой, осточертело до крайней степени, впрочем, собственно в Консепьоне с его гнилым климатом немудрено запутаться). Пришлось позволить ему прогулку. Не без осторожности, конечно. Киспигуанчу держали без кандалов, а со свободными руками, даже без оружия, он на многое был способен. Но потом Гарсия Ремон решил, что во дворе и на стенах достаточно солдат – и все они стараниями губернатора и на средства того же Киспигуанчи хорошо вооружены.

Так, под прицелом аркебуз, они и прогуливались. В тени кирпичных стен, возведенных после восстания Кауполикана. Не слишком увлекательная прогулка, но Киспигуанча сам этого хотел.

– Пойми, проклятый упрямец. Своим поступкам ты не только предал короля. Ты предал святую католическую веру. Церковь карает сурово и за меньшее.

– Разве король не тебя поставил управлять этой страной?

– В том, что касается светской власти, – да. Но его величество католический король Фелипе не посягает на дела церкви. И церковь имеет великую власть, даже здесь, на краю

земли. Если тебя будут судить церковным судом, я ничего не смогу сделать. И благодари Бога – и меня, – что Франсиско де Оталора до тебя не добрался.

Дон Гарсия не лгал. Всякому здравомыслящему человеку известно, что отступнику от христианской веры – прямая дорога на костер. Как в Старой Испании, так и в Новой. У нас здесь нет марранов и морисков (хотя кое-кто говорит, что уже есть), зато есть индейцы. Пора б уже уяснить: или ты язычник и губишь свою душу, или ты добрый католик и душу свою спасаешь, а третьего не дано, и метаться между верами не положено. А сложности с церковным судом могли возникнуть именно здесь, в Чили. Епископ Лимский известен святой жизнью и редко вмешивается в светские дела. Чего не скажешь о провинциале францисканского ордена де Оталоре, занимающем высшую церковную должность в Консепсьоне.

Не то чтобы дон Франсиско де Оталора был жесток. Напротив, с точки зрения губернатора, он злоупотреблял правом церковного убежища. Но вот крайне решителен – это да. И самостоятелен. Вместе с монахами своего монастыря он представлял в городе серьезную силу, в том числе и вооруженную. В условиях военного положения оно, конечно, полезно. Но не сейчас. И это при том, что отношения у де Оталоры с доном Гарсией, мягко говоря, натянутые.

Но Киспигуанчу такие тонкости не волновали.

– Ты лжешь, – сказал он. – Вы, испанцы, всегда лжете, чтоб оправдать нарушение клятвы.

Если бы дон Гарсия услышал такие слова от белого человека, то взялся бы за шпагу, несмотря на свою высокую должность. Но выяснять вопросы чести с дикарем – пусть даже он принял крещение, учился в миссионерской школе и именуется «доном» – бессмысленно.

– А вы, арауканы, никогда не цените благодеяний. Я не стану напоминать, что снял тебя с виселицы…

– Чтобы заточить в крепость!

– И в этой крепости ты живешь лучше, чем мои офицеры. Ты ни в чем не знаешь нужды, ты свободен от цепей, ты можешь выходить на прогулки, в то время как другие индейцы – вот. – Он кивнул в сторону тюремной стены.

В отличие от арауканов, испанцы пленных брали. В первую очередь потому что нуждались в рабах для строительных и сельских работ, а также для рудников – при том, что из мапуче работники плохие. Но этих в крепости никто не держал. Сюда попадали закоренелые преступники, которых ждали телесные наказания и казнь, пленные вожди и вражеские лазутчики – для допросов. Как правило, допросы с пристрастием не приводили ни к чему – арауканских воинов с детства приучают переносить пытки. Из-за этого некоторые испанцы и верят, что их поддерживает дьявол. Однако здесь научились добывать признания. Хитростью или каким иным путем.

Во дворе находились те, на кого хитрости или попытки вызвать доверие действия не оказали. Их держали в колодках, на солнцепеке летом, зимой под дождем, без еды и питья. Это ломает не хуже пыток.

Киспигуанча скользнул взглядом по фигурам пленников, скорченных у стены, и остановился.

– Этот старик… откуда он?

Пленник и впрямь был стариком, его седые волосы, длинные – у большинства привязанных здесь волосы были подстрижены ниже глаз и выше ушей – слиплись от грязи и пота, шрамы на лице были так же резки, как морщины.

Губернатор постарался припомнить, что ему докладывали.

– Попался нашему разъезду у самого города. Лазутчик, как Бог свят.

– Он не мапуче. Он киче.

– А, все вы на одно лицо…

– Я хочу поговорить с ним. Прикажи, чтобы с него сняли колодки и привели ко мне. Взамен я обещаю не бежать, пока ты меня не выпустишь.

– Зачем тебе это надо?

– Я спрошу у него, что он здесь делал. А если узнаю я, узнаешь и ты.

Это было дельное предложение, и дон Гарсия согласился.

Губернатор действительно позаботился о том, чтоб его тайный компаньон в заточении не знал нужды. Поэтому гость, приведенный с раскаленного двора в прохладную камеру, мог утолить голод и жажду. Сигары, которые приносили Киспигуанче, были свернуты неправильно, как все, что делают белые люди, но все же их можно было курить. И когда они выкурили столько, сколько подобает достойным людям для того, чтобы начать беседу, дон Франсиско спросил:

– Что ты здесь делал, Текопаль?

– Ждал тебя. Я знал, что ты здесь будешь.

Старый жрец называл себя провидцем, но сознание Киспигуанчи было отравлено миссионерским воспитанием, вдобавок Текопаль принадлежал к другому народу. Бывший лонко (так именовались вожди мапуче, слово «касик» употребляли только испанцы) ничего не ответил.

– Я предупреждал тебя – не сражайся с перерожденным шаманом. У него два нагуаля, таким всегда все удается.

На сей раз Киспигуанча отозвался:

– Мы говорим: «он ухватил за хвост Чинифилу, рогатую змею удачи». А нагуалей наш народ не почитает. Для него важнее нгильятуэ – духи, что следят за соблюдением обрядов.

– Это глупо. Нет ни человека, ни божества без нагуаля. Даже у Солнца и Луны они есть.

Странно, но отцы-миссионеры когда-то говорили юному дону Франсиско то же самое. Только нагуалей они называли «ангелами-хранителями». Может, поэтому Киспигуанча и не поверил Текопалю, когда тот пришел к нему впервые.

– Я говорил тебе – ни силой оружия, ни силой золота испанцев победить невозможно. Как бы ни были они жадны, как бы отважно вы, мапуче, ни сражались. Нужна иная сила…

– Когда пришли испанцы, инки и кечуа вырвали сердца у сотен жертв. Но боги не пришли к ним на помощь.

– Потому что те, кто заперлись в каменных городах и строили храмы на вершинах пирамид, все делали неправильно. И боги их не услышали. Древняя мудрость оказалась забыта. И потому нагуали испанцев теснят наших.

– Ангелы и святые… – проговорил Киспигуанча. – А наши боги и духи для них демоны и бесы.

– Неважно, как назвать. Важно одно – в битве духа сила на стороне испанцев. И пока дело обстоит так, неважно, сколько продлится эта война. Поколения за поколениями духовная сила будет поддерживать испанских солдат. И наши воины не выстоят.

– Губернатор только что уверял меня, что на самом деле у них правят не король и его воины, а церковь… духовная власть. А теперь ты говоришь то же самое.

– Даже такой глупец, как этот Ремон, способен видеть правду, почему же ты, мудрый Киспигуанча, ее не видишь? Спастись от притеснений истинный народ этой земли может только чудом. – И повторил на языке нагуа, хотя прежде говорил на мапу-дунгун: – Xaqui naual, xaqui puz xbanatahvi.

– Испанцы отучили меня верить в чудеса, хотя сами только о них и твердят.

– Поэтому ты сейчас в темнице.

– Ты тоже.

– Я – по своей воле. И по своей же воле выйду отсюда, когда захочу. У испанцев есть люди, обладающие духовной силой, силой шаманов. Но не здесь. Все, кто есть в этой

крепости, – слепы. Я пришел сюда и позволил им истязать себя лишь для того, чтоб ты понял: вожди народов, подобные тебе, имеющие богатство, и оружие, и храбрых воинов, должны направить все это на исполнение моего замысла. Чтобы церковь сама отдала духовную власть в наши руки.

– Я не верю, что такое возможно.

– Забудь неверие, загнавшее нас в тупик. Я говорил тебе: их монахи и священники – не все, но многие – способны видеть мир духов, но истинный путь в этом мире, путь шамана-воина, им неведом. Пока что этот путь преграждают их духи-хранители, а наши слишком слабы. Но если призвать из Верхнего мира и из Нижнего мира самых могущественных нагуалей, нечеловеческих, хранители испанцев будут отброшены, и священники окажутся беззащитны перед вторжением. И последние станут первыми…

– Это мне тоже говорили миссионеры.

– Я же не утверждаю, что вся их вера ложна, часть истины доступна их духовному зрению… и это сделает их нашей добычей. Но, для того чтобы привести этот замысел в действие, понадобится время, понадобятся средства, понадобится власть.

Дон Франсиско де Киспигуанча ответил не сразу. Они снова закурили, ибо величайшее испытание как для воина, так и для шамана – обходиться без курения. Только сильные духом способны выдержать его. И лишь потом Киспигуанча сказал:

– Я помогу тебе, Текопаль.

Старик также промолчал, продолжая затягиваться густым жирным дымом. Он верил в действенность своего замысла. Но это правда – на его воплощение могут уйти годы. Нужно найти всех шаманов, способных свершить великое путешествие, и всех вождей, способных предоставить им для этого все необходимое: снадобья, золото, кровь. Нужно наладить связь, дабы все произошло единовременно. Все это требует таких усилий, что кажется неисполнимым. Но не для того, кто дальше всех продвинулся на пути шамана.

Настанет час – через год ли, через десятки лет, – когда загорятся сигнальные костры от океана до океана, от пустынь ледяных до пустынь обжигающих, от великих лесов на юге до великих гор на севере. И шаманы киче, нагуа, кечуа, аймара, мапуче, гуарани – всех народов, сохранивших частицы истинного знания, – искурят правильные сигары, исполнят танец ночной ласточки, и танец двуутробки, и танец броненосца, и пересекут реку крови, и спустятся в Нижний мир – Шибальбу, во все девять его слоев, и минуют Дом Мрака, и Дом Ножей, и Дом Холода, и Дом Пламени, и Дом Нетопырей. И если они пройдут испытания в каждом из этих домов, то смогут подняться в Верхний мир, во все тридцать его слоев, и поднимутся в средоточие света, к божественным близнецам Хун-Ахпу и Шбаланке, Солнцу и Луне, и упросят их послать своих духов-хранителей на помощь своим народам, сынам света. И божественные звери, что хранят Солнце и Луну, войдут в мир видений и победят там хранителей пришлых священников, и те склонятся перед их силой и отдадут свою великую власть тем, кто ныне угнетен и принижен более всех.

1

Мы положились на наших лошадей, холодное и огнестрельное оружие и на промысел Божий.
Каталина де Эраусо. «Воспоминания»

2009 г., Испанская империя, провинция Чили, Нуэва-Вальдивия

«Пресс-секретарь императорской канцелярии изложил официальную позицию по поводу так называемого калифорнийского референдума: «Протекторат Калифорния был и остается испанской территорией. Все претензии России безосновательны».

Высылка очередной партии незаконных мигрантов из Тексаса. Министр труда Анхела де Гусман: «Использование труда мигрантов аморально и, в конечном счете, экономически невыгодно».

Взрыв жилого дома в Лиме (провинция Перу). Полиция исключает возможность теракта.

Информированные источники в МИДе сообщают: визит папского нунция в Испанскую империю не будет отменен. Комментарий нашего обозревателя Диего Тепепуля:

«Итак, в империю прибывает посланник папы римского. Уже известно, что он не будет принят его величеством Фернаном XVIII и ограничится встречами с некоторыми официальными лицами в Араукане. Но и это уже огромный шаг вперед в отношениях между империей и Ватиканом. Через десять лет нас ждет печальный юбилей – четырехсотлетие великого раскола. Может ли случиться так, что юбилей, напротив, будет радостным и после почти половины тысячелетия вражды католическая церковь вновь станет единой? Да, впереди еще десять лет, но и Араукана и Ватикан никогда не отличались поспешностью решений…»

Андрес Эрсилья закрыл новостную ленту. Не было больше сил читать этого псевдоаналитика. Жуткое дело – свобода слова. С другой стороны, с появлением сетевых болтунов спецслужбы наверняка получили возможность экономить средства.

Преподобный Эрсилья не был зависим от глобальной сети, в отличие от многих священнослужителей, даже и старше его возрастом. Но должность епископского викария требовала находиться в курсе последних новостей. Поэтому приходилось регулярно просматривать информацию.

А ведь раньше, в бытность настоятелем церкви Св. Понтия Леонского, он даже газеты едва проглядывал. А книги читал только бумажные. И зачем бы ему иные? Область его исследований – история испанской литературы периода, предшествовавшего Великой Реформе.

Возможно, его подталкивало то обстоятельство, что, по его мнению, самое замечательное произведение этого периода – а уж в области эпической поэзии безусловно самое замечательное – было написано его однофамильцем. Было бы лестно считать, что Алонсо де Эрсилья – его предок, но самомнение преподобного Андреса не простиралось настолько далеко. Он считал, что эпос де Эрсильи в контексте испанской литературы недооценен. Да что там! Спроси кого угодно, даже человека с высшим образованием, что такое «Араукана», на тебя посмотрят как на сумасшедшего и ответят – столица империи, что ж еще? А про поэму и не вспомнит никто.

Разумеется, столица названа не в честь поэмы. И даже поэма написана не в честь города. Эпос де Эрсильи создан за несколько десятилетий до того, как в стране Арауко святая Каталина и святой Понтий Леонский одержали победу над еретиками-крестоносцами. В честь победы был заложен город, куда из Консепсьона сперва перенесли столицу провинции, а затем вообще сделали столицей Новой Испании. Правда, потом выяснилось, что месторасположение города не слишком удобно – далеко от моря. Поэтому, когда полтора столетия спустя король (тогда еще не император) Альфонс XII решил сделать своим местопребыванием Испанию Американскую вместо Испании Европейской, его резиденцией была избрана сначала Лима, а потом, уже после окончания наполеоновских войн и провозглашения империи, – Буэнос-Айрес. Араукана осталась административным центром и городом Святого Престола. Противники империи утверждали, что такое разделение пагубно и губительно, однако оно было безусловно полезно.

Буэнос-Айрес – мировой центр торговли, искусств, туризма, город карнавалов и праздничных шествий, а также средоточие финансовых потоков.

Араукана – город чиновников, священнослужителей и архивных работников.

И это правильно.

А поэма… когда его ученики в школе при колледже Св. Каталины слышат, что она посвящена вовсе не славной победе, а всего лишь войнам конкистадоров с Кауполиканом, то не скрывают разочарования. Пуще того, викарию приходилось слышать, что в наше политкорректное время нехорошо изучать поэму, воспевающую геноцид коренного населения.

Как будто наши самые почитаемые святые не сражались в молодости с теми же мапуче, о чем сейчас тоже как-то не принято вспоминать. Был даже скандал из-за публикации исправленного варианта «Воспоминаний» св. Каталины, где слово «индейцы» везде было заменено словом «враги». Впечатление получилось еще худшее, издание было признано еретическим и изъято из обращения.

А между тем, Алонсо де Эрсилья, хоть и был католиком старого, дореформенного закала, отдавал должное отваге и мужеству противников и признавал, что восстание араукан было небеспочвенным.

И вообще, в ближайшее время придется забыть о научных штудиях. Потому что из всех прочитанных сегодня новостей на самом деле новостью является только одна. Пререкания с Россией по поводу Калифорнии носят вполне ритуальный характер, поскольку Калифорния если не по закону, то по существу дела давно уже независима. Борьба с нелегальной миграцией – это рутина, а в Лиме, возможно, действительно взорвался баллон с природным газом.

Но вот визит папского посла… Это означает, что в Араукане в ближайшее время состоится чрезвычайный совет епископов. И епископу Нуэва-Вальдивии де Оливейре предстоит там быть, а следовательно, Андресу тоже.

Временами Эрсилья сожалел, что когда-то принял эту должность. Чем ему церковь Св. Понтия была плоха? Нет, захотелось приобщиться к большой церковной политике, насколько это возможно при его положении…

С тех пор Эрсилья достаточно узнал и о церковной политике, и политике вообще, чтоб затосковать по прежнему месту. Порой очень хотелось подать в отставку, но он не мог предать доверие епископа. И что, Господи прости, его тревожит? Нам ничто не может угрожать – ни со стороны Европы, ни со стороны Азии, ни, тем более, северных соседей. Мы – остров стабильности в этом сотрясаемом лихорадкой мире. Да что там остров… континент. В прямом смысле слова. Да еще заморские территории в Европе, да анклав Флорида… наша экономика выдержит любой кризис, наше население благоденствует… спроси любого молодого человека в Европе, Азии, Новой Голландии или там Федерации Великих равнин, где он мечтает жить и делать карьеру, ответ будет – «в Испанской империи», и к шаману не ходи…

Вот именно. Испания велика… настолько велика, что в левых кругах действительно может обсуждаться вопрос о предоставлении независимости Калифорнии. Слишком велика. Последняя империя в мире. Только Китай может сравниться с ней, да и тот уже перестал быть империей. И слишком долго – более полувека – жила в мире и благоденствии.

Испании ничто не может повредить извне, но что, если удар будет нанесен изнутри?

Что может дать успокоение душевной смуте?

Вопрос можно считать риторическим. Как священник, он превосходно знал ответ – только молитва. А как человек, мог признаться, что по-настоящему душевный покой возвращается к нему только в церкви Св. Понтия.

До возвращения епископа остается часа два… еще есть время.

В гараже Эрсилья не стал тревожить положенный ему по штату автомобиль а вывел свою старую «Алмейду». Конечно, не очень солидно секретарю епископа рассекать по городу на мотоцикле, но некоторые привычки изживаются с трудом. В семинарские времена и даже в период учебы в академии Андрес состоял капелланом при «кавалькаде». В последние десятилетия дорожная молодежь завела привычку держать при отряде капеллана

из студентов семинарий (или йешив, или медресе). Руководство подобных учебных заведений не только не запрещало, но поощряло это, считая, что институт капелланов способствует смягчению нравов. И хотя все участники «кавалькады» Андреса давно уже стали благонамеренными гражданами и забросили ночные гонки по трассам, он по-прежнему предпочитал мотоцикл иным средствам передвижения. Тем более что пробки на улицах Нуэва-Вальдивии никто не отменял.

Вальдивию старую, Санта-Мария-ла-Бланка-де-Вальдивия – первый город, основанный испанцами в Чили, неоднократно разрушали. Сперва индейцы (об этом как раз и было рассказано в «Араукане»), потом крестоносцы. И сильнее всего – французы; после этого город и был отстроен на новом месте. В последний раз (дай Бог, чтобы в действительно последний) город серьезно пострадал во время великой войны, когда его бомбили немцы. Тогда от большинства городских зданий оставались лишь руины – Андрес видел фотографии и хронику. Для большинства нынешних жителей это уже тоже древняя история, вроде арауканских или наполеоновских войн. Но не для Эрсильи.

Он пересек бульвар Освободителя со стандартным монументом «Альфонс принимает из рук Симона Боливара императорскую корону», миновал проспект Пассионарии Беаты, авениду Лаутаро и припарковался возле церкви.

Это было одно из самых старых зданий в Нуэва-Вальдивии, его заложили в 1832 году, приурочив к двухсотлетию Арауканской победы. И, по правде сказать, его никак нельзя было отнести к шедеврам архитектуры. Церковь неоднократно перестраивали, после бомбежек, когда она чудом (действительно чудом) устояла, но пострадала от пожара, ее отремонтировали, возвели новый придел, не сильно озаботившись, как он сочетается с остальными, – словом, это была воплощенная эклектика. Но верующих это не слишком волновало. Сюда приходили не красотами любоваться, и приходили многие. И сейчас, когда дневная служба уже закончилась, а до вечерней еще оставалось время, внутри было немало народу.

По причине буднего дня створы алтаря были закрыты, стены украшали фрески какого-то средней руки живописца, пытавшего отобразить подвиги второго знаменосца обновленной католической церкви в манере раннего Гойи. Выше располагались медальоны с изображениями духов-хранителей Испании Американской: Кукумаца, Тепев, Майяуэль, Коатликуэ, Хуракана, Шмукане и особо чтимых в этих местах Чинифилу и Ястая – лепта уже прошлого века, когда церковь Христа-Кецалькоатля, до того считавшаяся еретической, была признана официально и слилась с католической.

Андрес не собирался ни исповедоваться (хотя не помешало бы), ни встречаться со своим преемником. Он просто прошел в один приделов, остановившись под фреской «Святой Понтий выводит святую Каталину из темницы».

Сюжет был до некоторой степени апокрифический. Не подлежит сомнению, что святая Каталина не раз побывала в узилище. Также доподлинно известно, что святой Понтий помог ей избегнуть мученической смерти от рук тирана. Но она упоминает, что он организовал побег, а не осуществлял его. Вдобавок она находилась тогда не в темнице, а напротив, в убежище при францисканском монастыре…

Но какое это имеет значение? Изображение дано не для изучения, не для любования, а для сосредоточения. Мы помним, что побег от смертной казни стал для святой Каталины еще большим испытанием, чем пребывание в узилище, но Святая Дева хранила ее, когда при переходе через пустыню и горные хребты Анд ее спутники умерли от голода и холода, позволив достигнуть благословенного Тукумана. И то, что люди замыслили как зло, Господь обратил в добро… Так дай же нам силы во всем полагаться на деву Марию и преславного Иосифа Обручника, как то делали почитаемые святые наши…

Раздался звонок мобильного, и Андрес поспешно достал трубку из кармана.

– Да, ваша эминенция… Служба уже окончилась? Я немедленно выезжаю.

– Не стоит, – отвечал суровый голос. – Я знаю, где ты. Выходи, подхватим тебя по пути. А твою «Алмейду» охранник перегонит в гараж.

Викарий поспешно спрятал телефон – прихожане, находившиеся в приделе, смотрели на него с осуждением – и вышел на паперть.

Через несколько минут у кромки остановился епархиальный «Кугуар», а за ним – машина охраны; при посещении кафедрального собора требовался хотя бы небольшой эскорт.

Не дожидаясь, пока шофер распахнет дверь, викарий приблизился к машине. За оконным стеклом было видно жесткое лицо преподобной Исабель де Оливейры – епископа Нуэва-Вальдивии.

Времена, когда женщины, желавшие сделать церковную карьеру, непременно должны были отслужить в армии, давно миновали. Но донья Исабель отдала армии многие годы и ушла в отставку в звании полковника танковых войск. Порой Андресу казалось, что она в этом звании и остается и для полноты впечатлений не хватает только танка. Трудно себе представить, что эта женщина, словно явившаяся из эпохи церкви воинствующей, в совете епископов являет собою одну из ключевых сторонниц «мирной линии». А это при нынешней ситуации не звук пустой…

Лицо ее, темное, тяжелое, имело характерные черты коренной уроженки Испании Американской. Андрес Эрсилья, по внешности типичный европеец (при том что его предки переселились в метрополию несколько поколений назад), выглядел рядом с ней как бы вылинявшим.

И не только по внешности, подумал он. Преподобная Исабель – сильная личность, именно такие и должны служить делу мира.

– Ты уже в курсе?

– Относительно приезда нунция? – осторожно уточнил Эрсилья.

– Хотя что я спрашиваю… сегодня это будет обсуждаться во всех таблоидах.

– Но ведь император посла не примет? – Эрсилья видел, что донье Исабель известно больше, чем ему. Естественно – у нее источники информации на самом верху.

– Это даже не обсуждается. Будет ряд консультаций. Как с представителями светской власти, так и духовной.

Однако она ни словом не обмолвилась, примет ли посланника матриарх, подумал он.

И как бы в ответ донья Исабель сказала:

– Многое зависит от личности посланника и того, как он себя поведет.

Разговор продолжился в кабинете епископа. Перед этим викарий приказал принести кофе. Донье Исабель заваривали отдельно – она пила кофе такой крепости, что у кого иного случился бы сердечный приступ. Андрес как-то сострил, что это крепость – ее единственная слабость, но преподобная даже не улыбнулась.

– Вы говорите так, будто вам уже известно, кого пришлет к нам Ватикан, – сказал он.

– Верно. Его имя – Владислав Йорек.

Это имя Эрсилье ничего не говорило.

– Немец? – он ничего не мог с собой поделать – как и большинство жителей империи, не любил немцев. Хотя и сознавал, что нынешние немцы – отнюдь не те, кто бомбил мирные города и высаживал десант на побережье.

– Поляк. До того как перейти на работу в Ватикан, был профессором духовной академии в Познани. – После короткой паузы донья Исабель добавила: – Кое-кто в МИДе считает это обстоятельство обнадеживающим.

– То, что он – бывший профессор духовной академии?

– Нет, то, что он поляк.

– Простите, ваше преосвященство, но я не совсем понимаю… я плохо разбираюсь в проблемах Восточной Европы.

– У нас сейчас напряженность в отношениях с Россией – по калифорнийскому вопросу. А у Польши с Россией постоянные трения, они же соседи. Поэтому кое-кто из наших политиков считает, что это даст при переговорах определенные точки соприкосновения.

Уловив в тоне преподобной определенный скептицизм, Эрсилья заметил:

– А вы так не считаете.

– Нет. Кем бы ни был этот Йорек, здесь он будет представлять не Польшу. И тут мы можем с Россией хоть воевать, хоть одним фронтом выступать – они православные и в сферу влияния Ватикана не входят.

– Значит, проблема не в национальности, а как вы выразились ранее, в личности. У матриархата есть какие-нибудь данные о Йореке?

– Разумеется. Там есть свои «кондоры» и «кецали»… хотя в Европе предпочитают термины «ястребы» и «голуби». Так вот, Владислав Йорек – ярко выраженный «ястреб». Убежденный сторонник старого католицизма. Неоднократно критиковал нынешнюю политику Ватикана за излишний либерализм. В своих интервью цитировал буллу папы Юлия против католиков Откровения.

– «И поступайте с ними хуже, чем с язычниками, ибо они и хуже их»? Насколько я помню, это Юлий у кого-то из своих предшественников позаимствовал. Времен первых крестовых походов.

– Неважно. Важно то, что Клавдий III присылает к нам человека именно таких взглядов. Это уже свидетельствует о многом. А теперь представь встречу его с преподобной Росальбой.

Эрсилья представил, хотя и без всякого желания. Картина получалась малоутешительная. Росальба Веласкес, архиепископ Парагвая, последовательно отстаивала в совете жесткую линию. Настолько, что добивалась восстановления упраздненной еще в позапрошлом веке должности знаменосца святой церкви. И у нее было немало последователей. Она утверждала, что является наследницей взглядов матриарха Долорес, пламенной защитницы независимости церкви Испанской империи и ярой противницы всяких контактов с Ватиканом. Во время войны, когда Ватикан поддерживал вражескую сторону, подобная позиция была более чем оправдана и нашла дружный отклик в сердцах подданных империи. Неудивительно, что после смерти Пламенная Долорес была беатифицирована. Нынешняя глава церкви, Инес V, придерживалась более взвешенной политики, что далеко не всем нравилось. И риторика преподобной Росальбы при подобном раскладе выглядела чистейшей воды популизмом, а учитывая преклонный возраст святейшей Инес – подготовкой кампании к выборам следующего матриарха.

– Получается, что пресловутая добрая воля Ватикана, сделавшего шаг навстречу Араукане, – не более чем провокация? И приведет только к худшему?

– Возможно. А может быть, и нет. Мы не узнаем, пока не встретимся с преподобным Йореком. Проведем разведку, так сказать. И в этом я надеюсь на тебя.

– Всегда рад быть полезен вашей эминенции… только пока не понимаю чем.

– Я упомянула, что он – в прошлом преподаватель академии. Сфера его исследований – история литературы. Того же периода, что интересует тебя. Так что, возможно, точки соприкосновения все же имеются, и вы найдете общий язык.

– Разве что латынь, – пробормотал Эрсилья.

При всей своей мудрости и жизненном опыте преподобная Исабель бывает удивительно наивна. Ну чего общего между испанской литературой XVI века и литературой польской, которой наверняка занимался Йорек? И в которой Эрсилья ничего не смыслит? А если

даже что-то общее и найдется, мир гуманитариев – это такой гадюшник… Впрочем, ревнители точных наук наверняка могут сказать о себе то же самое.

Ладно, разведка так разведка…

– Будем полагаться во всем на промысел Божий, – сказал он.

– А сначала на лошадей, холодное и огнестрельное оружие, как учила нас святая Каталина, – ответила преподобная Исабель. – Именно в таком порядке.

Они отправились обычным рейсом «Всеиспанских авиалиний», и Эрсилья был рад, что в качестве «лошадей» донья Исабель избрала этот вид транспорта. Для экстренных случаев у епархии имелся геликоптер, и Андрес подобных полетов не любил. Высоты он не боялся, но в геликоптере его укачивало. Иное дело – комфортабельный пассажирский «Флорес».

Он забронировал четыре места. Первые два сиденья заняли сама донья Исабель и охранница Мария (орден Св. Франсиско Лойолы, в прошлом полицейский спецназ), сзади поместились Эрсилья и Карлос – шофер и второй охранник (в прошлом – морской пехотинец, собирается поступать в семинарию в Веракрусе).

За высокой спинкой кресла Эрсилье не было видно, что делает епископ, но он не сомневался, что дремлет. Армейское прошлое приучило донью Исабель засыпать в любой остановке, и ни гудение двигателей, ни болтовня пассажиров ей не мешали. Викария это, наоборот, крайне раздражало, и он вздремнуть даже не пытался. Марии и Карлосу спать не полагалось по должности. Карлос читал газету (футбольный еженедельник, как обычно) и пил минеральную воду, впрочем, это нисколько не мешало ему бдить. Андрес решил отвлечься, благо над креслом располагался плоский телевизионный экран. Некоторое время он нажимал на кнопки пульта, переключаясь с канала на канал. Развлекательные программы его не интересовали, в новостях не было ничего достойного внимания (перуанская радикальная группировка «Инкарри» отрицает свою причастность к взрыву в Лиме… национальная премия имени Борхеса присуждена, по итогам голосования, роману Марианы Гонсалес «Последнее танго в Буэнос-Айресе», посвященному некоторым аспектам тукуманской музыкальной культуры… его высочество принц Луис присутствовал на открытии нового стадиона в Монтевидео…), пока случайно не наткнулся на канал «Евроньюс» – некоторые испанские телестанции его транслировали. Передача шла на английском языке, который Андрес знал довольно прилично, правда, лучше воспринимал при чтении, чем на слух, и разобрал, что комментатор поминает Испанскую автокефальную церковь.

– Напомним, – бубнил этот деятель (молодой, круглое лицо, темные прилизанные волосы – и темный же костюм с узким галстуком), – что новые католики, предпочитающие именовать себя католиками Откровения, ведут отсчет основания своей церкви от события, которое они приравнивают к сошествию Святого Духа на апостолов. Это так называемое откровение, природу которого ученые и богословы объясняют по-разному, привело к трагическому событию в истории христианской церкви, сравнимому лишь с Великой Схизмой. Сейчас мы можем лишь констатировать, что политические и экономические разногласия в начале XVII века между Святым Престолом и испанской короной и, главным образом, испанскими колониальными владениями привели испанское духовенство к желанию получить независимость от Рима. В качестве предлога был использован сон, который в 1619 году якобы увидело большинство священнослужителей в колониях и некоторые в метрополии, каковой тогда еще была собственно Испания. В наше время, – комментатор позволил себе усмехнуться, – их следовало бы направить к психоаналитикам или хотя бы сказать: «Бывают сны, просто сны…» Но в те мрачные времена к подобным материями относились по-другому. Впрочем, неизвестно еще, как бы повернулись дела, если бы в одной из колониальных тюрем не дожидался тогда казни некто Алонсо Диас…

Эрсилья нажал на кнопку, не дожидаясь, пока прилизанный тип начнет смаковать эту историю. Господи, прости мне гневливость, недопустимую для священнослужителя. Ну почему они все лезут рассуждать о делах, в которых ничего не смыслят? Уж лучше наш Тепепуль… впрочем, сетевые комментаторы кажутся лучше, потому что их лиц не видно.

Он откинулся в кресле. Лучше посидеть спокойно и привести мысли в порядок. Все равно остается не так много времени, пока самолет не начнет снижаться и не станет видна подсвеченная прожекторами статуя святой Каталины, вздымающей над Арауканой меч. Хотя, если следовать правде жизни, это должна быть кавалерийская шпага…

Не было никаких противоречий между Испанией и Святым Престолом, напротив, испанские короли были главной опорой Рима. И никто ни от кого не хотел отделяться. Даже после Откровения… ну почему этим мерзавцам непременно надо опошлить самое святое?

Да, в 1619 году испанские священнослужители оказались в сложнейшей ситуации. Многих из них посетило видение, из которого – если перевести образы на язык богословской терминологии – непреложно следовало: женщины, служащие церкви, должны получить право на священство и право на епископство. Что полностью противоречило учению, завещанному отцами церкви.

О том, что Откровение не было колдовским наваждением, насланными злокозненными особами женского пола, свидетельствовало то, что ни одна монахиня подобного видения не получила – и, следовательно, не могла выступить в его защиту.

Священнослужители пребывали в ужасе и растерянности. Ведь апостол Павел определенно выразился: «В церкви жена да молчит».

Сторонники Откровения тут же заявили, что Писание, однако, указывает на определенный прецедент. Среди судей израильских, каковые были как военными, так и духовными вождями своего народа, то есть никак не уступали в положении епископам, названа и женщина – Дебора из колена Ефремова.

Противники их возражали, что Книга Судей относится к Ветхому Завету и многое из того, что там сказано, утратило силу с приходом Спасителя.

Оппоненты отвечали, что ни в одном из четырех Евангелий ни единым словом не сказано, что женщина не может быть рукоположена в священники. Апостол Павел, на учении которого базируется это утверждение, не принадлежал к ученикам Спасителя и не мог ведать Его замыслов во всей полноте.

Полагать так – чудовищная ересь, следовал ответ. Послания Павла признаны каноническими, подвергать их сомнению – все равно что подвергать сомнению Святое Благовествование. Наши священнослужители получили откровение, иные из них верят, что от ангелов – тот же Павел рек: «И даже если ангелы с неба будут благовествовать вам не то, что мы благовествуем, – да будет анафема». И ведь сам апостол познал истину путем откровения!

Что ж, отвечали им, если фарисей Савл, жестокий гонитель христиан, мог удостоиться откровения, почему не могут быть достойны того же праведные епископы и кураты?

И взгляды всех были обращены к епископу Лимскому Агустину де Карвахалю, ибо он был самым значительным лицом из всех, получившим откровение, обладая всей полнотой духовной власти в Новой Испании. И архиепископ пребывал в тягостной задумчивости, не зная, как ему поступить, и ждал знака, пока не поучил письма от собрата своего по служению, епископа города Гуахаманги, где в местной тюрьме дожидался смертной казни за убийство на поединке некий альферес Алонсо Диас.

Подобное убийство было в биографии Диаса далеко не первым, и он многократно привлекал к себе внимание властей, но либо бежал из-под стражи, либо на его действия закрывали глаза, ибо Диас был известен безоглядной храбростью и боевыми заслугами, на войне всегда сражаясь в первых рядах и побивая врагов без счета.

Однако пробил час, когда список прегрешений Диаса превысил список его подвигов, и его приговорили к повешению. И в ожидании неминуемой смерти он сообщил, что желает сделать признание – но лишь епископу города, поскольку предпочитает подвергнуться суду церковному, а не светскому и тем передает себя в руки Божии.

Епископ Гуахаманги не остался глух к просьбе грешника. Он посетил Диаса в камере и услышал то, что повергло его в смятение. Алонсо Диас заявил, что настоящее имя его – Каталина де Эраусо и в действительности он – женщина, более того, девица, более того, послушница францисканского ордена. Младшая дочь бедных дворян из Сан-Себастьяна, что в провинции Гипускоа, она в четырехлетнем возрасте была отправлена родителями в монастырь, где и пробыла десять лет, но затем, накануне принятия окончательных обетов, бежала оттуда, повинуясь желанию посмотреть мир. И с тех пор странствовала, меняя имена, перебравшись из Старого Света в Новый, служа во флоте и в армии, но неизменно скрывая свой пол.

Епископ поначалу Диасу не поверил. Может ли быть, чтоб солдат, а впоследствии офицер, проводивший свою жизнь в сражениях, весь в боевых шрамах, да еще с такой репутацией, какая была у Диаса, оказался женщиной? Не есть ли это хитрая уловка, придуманная для того, чтоб отсрочить казнь, а затем снова сбежать?

Но не принять во внимание признание, сделанное перед казнью, он тоже не мог. Потому по некоторому размышлению епископ призвал нескольких женщин, почтенных годами и умудренных жизненным опытом настолько, что их уже ничто по определению не могло удивить, и послал их к заключенному, дабы они подвергли Диаса разоблачению – во всех смыслах слова. Почтенные матроны провели тщательное обследование и, вернувшись, доложили: Алонсо Диас, а точнее говоря, донья Каталина является девицей, непорочной, как в день своего появления на свет. И епископ Гуахаманги, впавший вследствие сего открытия в полную растерянность, спрашивал у примаса Новой Испании – что делать с этой особой?

Агустин де Карвахаль велел доставить донью Каталину в Лиму и, побеседовав с ней, отменил решение светского суда о смертной казни, но убедил донью во искупление прежних провинностей принести монашеские обеты, после чего она постриглась в монастыре Святой Троицы. Но Карвахаль не уставал задавать себе вопрос: не есть ли появление доньи Каталины – тот знак, которого он ждал? Не она ли – прямое доказательство того, что женщина способна служить на мужском поприще и добиться на нем успехов? И не чудо ли, что никто не распознал ее принадлежности к женскому полу, хотя она неоднократно была ранена в боях? Только когда она заявила, что отдает себя в руки Божии, спала пелена с глаз окружающих.

В этом мнении поддержал архиепископа проживавший в то время в Лиме дон Франсиско де Оталора. Он в свое время предоставил убежище в монастыре Алонсо Диасу, когда губернатор Чили объявил награду за его голову, и успел неплохо узнать характер доньи Каталины – пусть он и не знал тогда, что это она. Теперь, когда выяснилось, что они принадлежат к одному монашескому ордену, он не раз беседовал с нею и сказал архиепископу, что, возможно, сестра Каталина сумеет убедить сомневающихся высоких лиц в Европе. Де Карвахаль отписал его католическому величеству, и со следующей почтой пришел ответ, что король Фелипе желает видеть сеньору де Эраусо.

Сестра Каталина вновь сменила рясу на мужскую одежду и перепоясалась шпагой, ибо так путешествовать через океан было удобнее, и направилась в тогдашнюю метрополию. На родине ее встретили как героиню, а король принял ее благосклонно. К тому времени дебаты об Откровении захватили Испанию Европейскую, тогда именуемую просто Испанией, и не могли остаться без внимания Святого Престола. Его величество решил, что сестра Каталина лучше, чем кто-либо, объяснит его святейшеству, в чем состоит суть вопроса, и направил ее в Рим.

Противу всяких ожиданий, папа Урбан VIII не только принял ее, но и отнесся к ней весьма милостиво, хотя курия, как правило, питала к испанцам чувства, далекие от нежности, в силу множества причин. Не помешало даже то обстоятельство, что несколько человек, насмехавшихся над таким необычным послом, быстро окончили век свой от ударов клинка. В Риме к таким вещам относились просто – дело-то житейское. Его святейшество лишь мягко пожурил донью Каталину, напомнив ей о заповеди «Не убий».

Чем объяснялась его мягкость?

Европу с прошлого века терзала протестантская ересь, и хотя множество католических владык объединились в борьбе с ней, конца расколу было не видно. Британия, север континента и даже часть германских княжеств не признавали более власти папы. В таких условиях Ватикан вовсе не хотел дробить силы, ссорясь с Испанией. Уж испанцы-то составили себе репутацию самых непримиримых борцов с еретиками, б*о*льших католиков, чем папа римский (с какой горечью потом будут вспоминать эту поговорку!)

А донью Каталину его святейшество Урбан, скорее всего, принял за потенциальную основательницу религиозного ордена или сестринского сообщества – таких немало было в то время, как в Старом Свете, так и в Новом.

Ирония судьбы заключалась в том, что глобальные религиозные перемены действительно не волновали донью Каталину – по крайней мере, на тот момент. Она просто хотела, чтоб ей разрешили то, что она любила и умела делать, – воевать и при этом оставили в монашеском звании.

Убедившись, что его собеседница вовсе не одержима зудом религиозного реформаторства, папа благословил ее и особой буллой дозволил ношение мужской одежды, оружия и участие в военных действиях – но лишь против еретиков и врагов церкви. Эта оговорка впоследствии сыграла немаловажную роль в грядущих событиях.

В Испании буллу его святейшества восприняли как выражение одобрения новым веяниям. Многие монахини обратились к главам своих епархий с просьбой о рукоположении в священство, и оно было им дано. Характерно, что сама донья Каталина этого не сделала. Лишь много позже, когда вера в Откровение была признана явной ересью, преемник Урбана – папа Юлий объявил против ее сторонников крестовый поход, а новые католики, отложившись от Рима, ее призвали, чтобы возглавить верующих. Тогда она испросила, чтоб в память об офицерском звании альфереса, которое она долго носила, ей было даровано звание знаменосца церкви Откровении, ибо таковой знаменосец есть у Римской церкви. Епископы, признавшие Откровение, это звание даровали.

Так церковь Откровения стала церковью воинствующей.

И все же неизвестно, как бы в дальнейшем повернулись события, если бы крестоносцы выступили против Испании Европейской, а не Новой Испании. На то, конечно, были причины. Слишком многих владык манили заморские владения Испании с их огромными запасами золота и серебра. Европейская армия испанского короля представлялась слишком сильной – тем более что к тому моменту он вывел войска из Фландрии, чтоб укрепить собственные границы. И корабли, заполненные «защитниками веры», отплыли за океан.

Они не учли, что испанские отряды там, пусть и уступавшие в численности армии метрополии, были гораздо лучше приспособлены к войне в условиях Нового Света. К тому же под знамена церкви Откровения встали коренные жители Новой Испании, у которых со старыми католиками были свои счеты…

Война длилась с 1630 по 1632 год и, как всякому известно, закончилась впечатляющей победой сторонников церкви Откровения в стране Арауко. Причем донья Каталина и ее соратники вовсе не считали себя в состоянии войны со Святым Престолом. Ведь папа сам уполномочил ее на борьбу с еретиками, не так ли? А крестоносцы, по понятиям церкви воинствующей, были именно еретиками.

Лишь десятилетие спустя, когда стало ясно, что противоречия непримиримы, и появилось новое поколение духовенства, сформировавшееся в среде, где папа римский не считался наместником Бога на земле, испанская церковь официально отложилась от Рима. Первым матриархом, как и следовало ожидать, избрали донью Каталину. Несколько лет она сохраняла за собой и звание знаменосца церкви, но затем передала этот пост своему давнему соратнику по оружию дону Хуану Понсе де Леону.

Дальнейшая история есть история Испанской империи и должна быть известна каждому образованному человеку, а не претендующему на образованность, как этот обозреватель. Хочется верить, что Владислав Йорек, несмотря на всю свою предубежденность, лучше владеет материалом – ведь он историк. Хотя данное обстоятельство может послужить и препятствием.

И вообще, действительно, стоило бы лучше ознакомиться с польской литературой эпохи барокко…

– Они еще будут нам про демократию объяснять! Это нам-то! Да мы рабство первыми в мире отменили, когда у них в Европах и колониях их за одно такое помышление в тюрьму сажали!

При чем тут демократия – непонятно. И вряд ли преподобный Йорек прибыл сюда, чтоб нам её проповедовать. Хотя патио для журналистов – не лучшее место для изучения формальной логики. Лучше достать таблакалькулу и вернуться к файлам о польской литературе.

Насчет латыни Андрес оказался прав – многие пииты указанной эпохи творили на этом языке. В том числе Иоанн Кохановский, почитавшийся средь них первейшим стихотворцем. Хотя Эрсилья подозревал, что латинские вирши – не лучшее, что есть в его наследии. Что делать – оценить стихи на польском Эрсилья был не в состоянии, а машинному переводу он не доверял.

По крайней мере, будет о чем спросить преподобного Йорека при личной встрече. Если она состоится, конечно. А пока – донья Исабель права – разведка так разведка.

Среди журналистов было немало новых лиц, и на этих лицах явственно читалось удивление, чтоб не сказать недоумение. Почему-то у иностранцев слово «матриархат» вызывает совсем иные ассоциации, чем департамент управления делами матриарха. И упрекать приезжих за это трудно – их же СМИ упорно рисуют, из поколения в поколение, образ империи, где граждане ходят строем и бряцая оружием, а всем заправляют злобные бабы, терроризирующие забитых мужчин. Самый распространенный и самый дурацкий вопрос: «Что, у вас и мужчина может быть священником?»

Мысленно осеняешь себя крестом, считаешь до трех и отвечаешь: «Да, причем их большинство».

Что же до злобных… э-э-э… дам при власти, ну да, есть, трудно отрицать, когда преподобная Росальба каждый день вещает по ТВ. Так они везде есть. Вспомнили бы лучше эту свою… гран-прокуратора всеевропейского.

Было бы трудно упрекать… если бы на смену удивлению приходило понимание. Нет, обычно удивление сменяется завистью: «Слишком хорошо вы живете, с чего бы это?» Как ответил однажды Андрес особо настырному представителю Российского агентства новостей: «И вы бы так жили, если бы ваше правительство хоть немного делилось с народом доходами от продажи нефти и газа». Тот, несомненно, ожидал другого ответа – о преимуществах церкви Откровения над старым католицизмом. Не дождался, обиделся.

Йореку, безусловно, тоже будут задавать глупые вопросы. Причем не только иностранные журналисты, но и наши, прости, Господи, их прегрешения. Что ж, нигде так не проявляется человек, как при общении с дураками.

При первом же взгляде на Йорека стало ясно, что дуракам сладко не придется. Ясно всем, кроме тех дураков. В молодости он, вероятно, занимался спортом – футболом или тяжелой атлетикой. С возрастом несколько погрузнел, но все равно производил впечатление человека сильного. И решительного – об этом свидетельствовали черты лица: резко очерченные скулы, хищный нос, треугольный выдающийся подбородок. Почему-то по университетским занятиями по антропологии Андресу помнилось, что у славян более мягкие, округленные лица. Наверное, это предрассудок. Считают же иностранцы, что жители Испанской империи – поголовно жгучие брюнеты, а потом удивляются, что у нас тут всякие водятся… А вот этот уж не брюнет и не блондин – он полностью седой. Серые волосы, стриженные ежиком. Напоминает скорее военного, чем бывшего университетского профессора. Так ведь и предупредили, что он – «кондор»… то есть «ястреб».

А вот голос вполне профессорский. Глубокий, с богатыми интонациями. Определенно, студенты его внимательно слушали.

И этим голосом профессионального оратора он предупредил, что приехал в Араукану не для того, чтобы вести богословские споры, и просит присутствующих не забывать об этом.

– Все, что можно было сказать за и против, было уже высказано столетия назад, – произнес он. По-испански Владислав Йорек говорил свободно, пусть и слышался в его речи некий отголосок акцента.

И в этом его перед нами преимущество, подумал Андрес. А может быть, и нет. Он считает, что понимает нас, а мы его – нет… но понимает ли в действительности?

– Тогда в чем ваша цель?

Ну, пошли вопросы, надеюсь журналисты-газетчики ничего сверх отмеренной обычному человеку дозы глупости не ляпнут…

– Я исполняю здесь дипломатические обязанности и должен провести определенные консультации с официальными лицами.

– Стоит ли это понимать как подготовку к установлению дипломатических отношений между государствами?

– Я не уполномочен отвечать на подобные вопросы. Могу лишь сказать, что в последние десятилетия Испанская империя предприняла некоторые шаги к выходу из самоизоляции.

«Это мы-то находились в самоизоляции? – внутренне возмутился Андрес. – Йорек и вправду так думает или нарочно стремится перевернуть все с ног на голову?» По хищной физиономии прелата определить это не было возможности.

– Примет ли вас матриарх?

– Я пока не получал подобных предложений.

– Почему вы избрали для визита Араукану, а не Буэнос-Айрес?

– Странный вопрос. Очевидно, задавший его – не гражданин империи. Буэнос-Айрес – резиденция императора, но столицей страны является Араукана, если вы до сих пор этого не знаете.

Кого он хотел поставить на место? Журналиста – безусловно. Но не был ли это и скрытый посыл: Араукана сама по себе столь незначительна, что никто не помнит о ее столичном статусе?

Но в целом к ответам Йорека придраться было невозможно. Дипломат, настоящий дипломат. Андрес привык, что священнослужители изъясняются более прямо и открыто, но, очевидно, у старых католиков было не так. И пресс-конференция проходила на диво гладко, пока тот самый, не к ночи будь помянутый тип из Российского агентства не спросил:

– Господин нунций, в бытность свою профессором вы отзывались о святой Каталине как об адреналиновой наркоманке и гендерном недоразумении. Изменили ли вы сейчас свое мнение?

Вопрос был явно из разряда «это провокация», а для граждан империи еще и звучал как прямое обвинение в кощунстве. Если русский журналист хотел настроить своих испанских коллег против посланца Ватикана, то ему это удалось.

Несмотря на охвативший его гнев, Эрсилья постарался не давать волю чувствам. Сведения о подобных высказываниях Йорека не проникали в СМИ, следовательно, у вопрошавшего есть какие-то другие источники. Либо фразу он высказал как частное лицо, а перейдя на работу в Ватикан, воздерживался от чего-либо подобного. Либо это и впрямь провокация, следствие национальной нетерпимости в данном регионе Европы, о чем упоминала донья Исабель.

Или… если он действительно придерживается таких взглядов, а папа Клавдий об этом знает, то провокация готовилась гораздо худшего толка…

Многое зависит от того, что он ответит. Конечно, все разрешится просто, если он скажет: «Ничего подобного, вас ввели в заблуждение». Или: «Да, в молодости я говорил нечто подобное, но сейчас изменил свои взгляды».

А если не изменил?

Пойдет ли он на открытый конфликт, находясь в Араукане? Или нынешним римским священникам разрешено лгать в благих целях, как это делалось и раньше?

– Очевидно, вы плохо расслышали, – хладнокровно отвечал Йорек. Его светло-карие глаза не отражали ни гнева, ни раздражения. – В начале нашей беседы я предупредил, что прибыл сюда не для того, чтоб обсуждать вопросы доктрины. И вам не советую.

Вывернулся-таки. Не сказал ни да, ни нет… хотя как раз это противоречит заповеданному в Евангелии. Ватиканская школа? Или особенность личного характера? По крайней мере, Эрсилья может теперь высказать епископу свое мнение.

– Еще его спрашивали, почему папа римский не принес империи извинения за Американский крестовый поход, хотя еще в прошлом веке Ватикан извинился перед мусульманскими странами за крестовые походы в Святую землю. Он ответил: «Мы пока не дождались от глав мусульманских государств ответных извинений за зверства в отношении христиан, причиненные как до крестовых походов, так и за многие века после них».

Донья Исабель рассказывала о встрече нунция с министром иностранных дел. На приеме были некоторые представители матриархата и епископы.

– То есть он опять ушел от прямого ответа. Что определенным образом его характеризует.

– Но и о взглядах его свидетельствует в должной мере. Хотя, – заметила в задумчивости преподобная Исабель, – в чем-то он прав. Рим не обязан проявлять добрую волю в одностороннем порядке. И вообще, самой большой катастрофой времен крестовых походов было разрушение крестоносцами Константинополя. И впоследствии никто из пап не приносил за это извинения православным. Однако иерархи восточной церкви и не поднимают эту тему. И Ватикан поддерживает постоянные контакты с православным миром.

– То есть, по-вашему, мы должны поступить так же? Проявить добрую волю в одностороннем порядке, хотя Рим этого не делает?

– Вот и посмотрим, кто из нас лучшие католики, способные явить великодушие к противнику…

Они ехали по проспекту Хуаны Инес де ла Крус. Святая Хуана Инес была третьим матриархом церкви Откровения и первым, чья резиденция располагалась непосредственно в Араукане. С тех пор резиденция и вся администрация матриарха давно перебрались в другую

часть города. Но несколько старых зданий, принадлежащих матриархату, в прежнем районе остались. Там и отвели местопребывание для нунция – в одном из особняков про которых европейцы говорили «в колониальном стиле», что в очередной раз озадачивало Андреса нелогичностью. Какая же здесь колония? Здесь метрополия.

Там посланник папы принимал посетителей – как официальных лиц, пусть и неофициально, учитывая отсутствие дипломатических отношений между государствами, так и представителей общественных организаций. За особняком, разумеется, ненавязчиво приглядывала полиция. В интересах безопасности самого же нунция. Конечно, Испания успешно боролась с терроризмом, но, увы, нельзя было утверждать, что это зло изжито полностью. Кроме того, высказывания Йорека о святой Каталине стали известны широкой публике и вызвали волну возмущения. Так что охранять преподобного Владислава следовало не только от террористов, но и от радикалов из среды вполне благонамеренных католиков, прежде в преступных деяниях не замеченных. А они могли проникнуть в дом под видом тех самых представителей общественности. Если Йорек и заметил слежку за домом, то никак не протестовал, чем, по мнению доньи Исабель, доказал свое благоразумие. Вообще после бесед с епископом у Андреса сложилось впечатление, что враждебности к Йореку она не испытывает. «Его, безусловно, нельзя назвать нашим другом, – говорила она, – но, возможно, он способен на сотрудничество. Пусть он убежденный католик старой формации, иного папа к нам не послал бы, но прежде всего он рационален». Эрсилья отнюдь не был в этом уверен, но не имел пока оснований возражать донье Исабель.

Чтобы выяснить это обстоятельство, они и ехали сейчас к Йореку. О встрече было условлено на приеме у министра. И если поход Андреса на пресс-конференцию был разведывательным, то сегодня, как он предполагал, должна была состояться разведка боем.

Рационален Йорек или нет, но голова у него работает хорошо, не приходится сомневаться, что информацию об епископе де Оливейре ему также предоставили. И кто кого будет склонять к сотрудничеству, это вопрос. Однако донья Исабель рациональна безусловно и, несомненно, это понимает. Потому ей и нужен Андрес при этой встрече. Отвлекать, изыскивать слабые места… что ж, он сделает, что сумеет.

Примыкавшая к проспекту улица Рамиреса де Варгаса (знаменосец церкви во времена святой Хуаны Инес) была тихой и спокойной, пробок здесь опасаться не приходилось. Впрочем, Араукана была почти избавлена от них, хотя город был побольше Нуэва-Вальдивии. Но здесь умели лучше организовать транспортные развязки. Припарковаться удалось без труда.

Мария выбралась из машины, чтобы сопровождать епископа де Оливейру, но донья Исабель сделала предупредительный знак.

– Пусть идет Карлос. – Она усмехнулась. – Не стоит раздражать старых католиков обилием женщин.

– Женщина-епископ в любом случае будет его раздражать, – заметил Андрес.

– Ну, превратиться в мужчину специально ради этого визита я не могу.

Шутка, пожалуй, была грубовата для священнослужительницы, хотя вполне изящна для отставного полковника. Что-то, однако, Андресу в ней не понравилось. Донья Исабель рациональна, сказал он себе, а я иррационален. Это никуда не годится.

Охранник у ворот, проверив документы, пропустил их, и Карлос прошел вперед, чтобы позвонить в дверь особняка.

Никто не ответил.

– Это, однако, уже свинство, – пробормотал Андрес.

Пусть встреча и частная, донья Исабель – уважаемый иерарх церкви, а Йорек – дипломат. Выказывать неуважение подобным способом недопустимо.

Карлос позвонил снова, затем забарабанил в дверь.

– Что они там, уснули, что ли?

– Андрес, набери номер Йорека, – распорядилась преподобная.

– Но, донья Исабель…

При подобном отношении епископу не следовало делать первого шага.

Словно прочитав его мысли, донья Исабель сказала:

– Йорек может спать, заболеть, удрать через окно. Но в доме должна быть обслуга. Если они не отвечают…

Эрсилья поспешно принялся нажимать кнопки мобильного. И снова безответно. А уж от грохота в дверь всякий бы проснулся.

– Карлос, – начал Эрсилья, – надо звать охрану…

Но в этот миг дверь открылась. Сама по себе.

– Донья Исабель, дон Андрес, подождите, я пойду, проверю. – Карлос извлек армейский «ларго», осторожно шагнул за порог. За дверью никого не было. Очевидно, старый замок не выдержал титанических ударов Карлоса. Но это не отменяло вопроса – почему в назначенное время никто не отозвался.

Осмотревшись, шофер двинулся дальше. Андрес, выдержав паузу, последовал за ним. Донья Исабель не останавливала его. Было тихо… очень тихо… но это еще ничего не значило.

Они пересекли прихожую, полутемную, с мраморным полом в черно-белую клетку. Наверх вела лестница, широкая, с резными перилами. Резными были и деревянные панели на стенах – по ним вверх, к открытым окнам, скользнул взгляд Эрсильи. Но окрик Карлоса заставил его опустить глаза. Смотреть следовало не вверх, а вниз. На площадке лежал человек в темном костюме. И на шахматных квадратах растеклась кровь.

Карлос бросился вверх по лестнице, откуда, несомненно, свалилась жертва, Эрсилья – к лежавшему. Это был не Йорек. Похоже, что дворецкий или кто-то еще из обслуги. К счастью, он был еще жив, но разве что чудом. На горле у него зияла рваная рана.

– Донья Исабель! Мария! Зовите охрану!

Сам Андрес снова схватился за телефон. Пока он вызывал «скорую», снова взглянул на раненого. У Эрсильи не было медицинского образования, но всех семинаристов учили оказывать неотложную помощь.

Но эта рана… ее характер…

Несчастному не перерезали горло. Его рвали зубами.

Сверху не доносилось ни звука, и Андрес, насколько хватило сил, рванул по лестнице. Пробежал по коридору. Заглянул за ближайшую открытую дверь.

Среди раскиданной мебели (звуков падения не было слышно, следовательно, разбросали ее раньше) застыли двое.

Карлос, слегка пригнувшись, опустил руку с «ларго». И уставился в угол, где на четвереньках замер Владислав Йорек. Его седые волосы были всклокочены, зубы оскалены, а глаза, прежде казавшиеся карими, теперь отсвечивали желтизной.

Глаза!

Взгляд!

– Карлос, не смотри ему в глаза! Нельзя!

Из глотки Йорека вырвалось глухое рычание, и он прыгнул вперед. Но в этот миг Карлос успел выйти из ступора, и рукоятка армейского пистолета опустилась на голову прелата.

2

Кардинал сказал, что единственное мое преступление состоит в том, что я испанка.

– С моей точки зрения, – отвечала я, – это моя единственная добродетель.
Каталина де Эраусо. «Воспоминания»

Десять дней спустя. Араукана

– Ликантропия, как я и предполагал, – сказал доктор.

– Но разве эта болезнь не вымысел?

– Это вопрос, – вздохнул дон Рамон Тлалок, главный психиатр при госпитале Святой Троицы. – Ликантропия, то есть заболевание, при котором больной считает себя волком и поступает соответственно… сейчас относится скорее к сфере истории медицины, чем к практике. Случаи заболевания ликантропией описывались тогда, когда вера в оборотничество была распространена повсеместно. То есть больные или воспринимались как оборотни, или сами себя таковыми воспринимали. Когда этот предрассудок исчез, исчезла и болезнь. За последние столетия не было зафиксировано ни одного случая ликантропии. И потому многие, подобно вам, дон Андрес, уже не верят, что такое заболевание реально существовало.

После инцидента в особняке прошло уже более недели, а Йорек так и не пришел в себя. Поскольку требовалось как-то объяснять его отсутствие на публике, было объявлено, что он заболел. Собственно, это была правда. Не сообщалось, однако, что он содержится в особом крыле госпиталя, большей частью пристегнутый ремнями к кровати – доктор опасался слишком часто делать ему успокоительные инъекции. Ни лекарства, ни сеансы гипноза не могли вернуть нунцию рассудок. По настоянию доньи Исабель, в палате провели обряд экзорцизма – с тем же успехом.

– А ваше собственное мнение, доктор? Какова причина заболевания? – спросил Андрес.

– Я бы сказал, что это последствие тяжелейшего нервного срыва.

– Мне не показалось, что Йорек к подобному склонен. Он производил впечатление чрезвычайно выдержанного человека.

– Вот именно. Все время с момента прибытия в Араукану он находился к окружении, которое было для него чуждо и ненавистно. И он ради пользы дела был вынужден постоянно подавлять эмоции. В какой-то миг психика не выдержала. Так сказал бы я, но…

– Что?

– Если бы не эта волчья мания… Такое впечатление, что все человеческое в нем начисто исчезло. Он ведет себя как настоящий волк – по всем рефлексам. Будь Йорек родом откуда-нибудь из Африки, где вера в оборотней бытует до сих пор, я бы это понял. Но для уроженца старой Европы… непостижимо.

Эрсилье нечего было возразить. Он был одним из немногих, кого допускали к Йореку, и он знал, что насчет «волчьего поведения» тот прав. И это человек, по всем признакам обладавший развитым интеллектом… бедняга. Такого и врагу не пожелаешь.

После госпиталя Андрес направился на виа Оталора, где располагалось столичное управление полиции. Ничего не поделаешь. Там интересовались совсем иными аспектами происшествия, чем у Святой Троицы. Несомненно, имело место покушение на убийство (к счастью, служащий особняка остался жив, хотя до сих пор не мог сказать ничего внятного, у него были повреждены голосовые связки), а донья Исабель и ее спутники были свидетелями. Правда, епископа Нуэва-Вальдивии, сняв первоначальные показания, больше не тревожили, а вот Андреса и прочих вызывали. По понятным причинам, дело сохранялось в строжайшей секретности, как со свидетелей, так и с группы, выезжавшей на место происшествия, взяли подписку о неразглашении, а следствие вел непосредственно коррехидор Арауканы дон Мануэль Сапатеро.

Этот человек, слывший грозой столичной преступности, на первый взгляд производил впечатление типа, привыкшего решать проблемы с помощью рыка и кулаков, но Эрсилья, побеседовав с ним, убедился, что тот – специалист вполне компетентный.

Сейчас он мрачно дымил сигарой у окна в своем кабинете.

– Не успел предупредить, извини, дон Андрес. Дело у нас забрали.

– Куда?

Впрочем, Эрсилья и без того догадывался, каким будет ответ.

– В управление имперской безопасности. Они там будут землю рыть, чтоб узнать, кто свел с ума этого прелата… и нароют… – как и положено полицейскому, Сапатеро никогда не сказал бы доброго слова о конкурирующем ведомстве. – Вполне могут представить козлом отпущения… этого… Карлоса. Якобы от его удара у нунция в башке все и перемкнуло.

– Но Карлос ударил Йорека уже после того, как нунций впал в безумие.

– Ну и что? Зато виновный будет найден, и можно избежать сложностей в отношениях с Ватиканом. А мы, получается, тянем дело. Еще бы! Мы всю неделю проверяли каждого, кто общался с Йореком, а их было немало. Потому что просто так люди с ума не сходят.

– Доктор Тлалок говорит…

– Знаю я, что он говорит. Беседовали. Следов воздействия наркотических веществ в организме пациента не обнаружено. Он даже не курил! – В голосе дона Мануэля слышалось то ли недоумение, то ли презрение. Европейское представление о никотине как о первопричине едва ли не всех бед здесь не приживалось, в Испании Американской большинство взрослых мужчин были заядлыми курильщиками. – А чтобы подвергнуть человека гипнозу, надо с ним хоть какое-то время плотно пообщаться. Хотя, конечно, гипноз – для нашей работы – слишком уж экзотичный прием. Лично я бы предпочел, чтоб это оказался какой-то неизвестный наркотик.

– Но это может быть просто болезнь. Ликантропия.

– Если б тут не несло политическим скандалом, я бы согласился с диагнозом Тлалока. Болезнь. Смена климата, непривычная пища и так далее. Но дело-то и впрямь политическое. Могу понять чиновников из министерства, – с неохотой признал Сапатеро. – И есть в нем что-то нечистое. В прямом смысле. Считай меня суеверным стариком, дон Андрес, но на твоем месте я бы постарался изгнать беса.

– Я пытался. Со всем тщанием. Ничего не получилось.

– Что ж, нунций – еретик, может, на него наш экзорцизм не действует… А вызывать священника старого обряда мы не можем – от секретности ничего не останется.

В словах коррехидора было нечто важное, но что именно – Эрсилья затруднялся определить. Его посетила другая мысль.

– Дон Мануэль! Не могли бы вы дать мне список тех, кто вступал в контакт с Йореком? Я тоже мог бы проверить их… по церковным каналам.

Коррехидор хмыкнул.

– Это конфиденциальная информация… и выдавать ее в любом случае противозаконно. Не говоря уже о том, что мы больше не ведем дело. Но… интересы истины важнее ведомственных интересов… да и Марика о тебе хорошо отзывалась… я дам тебе распечатку.

Эрсилья не сразу сообразил, что речь идет о Марии. Ну да, она ведь раньше работала в полиции. Хотя, возможно, это был лишь предлог, чтоб вставить шпильку имперской безопасности.

У выхода из управления викария поджидала машина доньи Исабель, но там был только Карлос.

– Епископ задерживается на совещании, велела тебя забрать, – сообщил он, когда Эрсилья приоткрыл дверь. А потом добавил: – И это… спасибо.

– За что?

– Если б ты не заорал тогда, он бы мне глотку перервал, как тому бедолаге.

По всему было видно, что Карлосу неловко. Облажаться в такой момент… ну, почти облажаться…

А Эрсилья и сам не знал, почему он заорал. «Нельзя смотреть волку в глаза» – старое убеждение его европейских предков. Бог знает, почему это поверье всплыло в памяти. К тому времени, когда прапрадедушка переселился в метрополию, в Испании Европейской и волков-то не осталось.

– Ладно, – сказал он. – Поехали.

– Флорида, земля святого Понтия, была и остается испанской территорией!

Преподобная Росальба вещала в программе, посвященной спорным территориям. Если на Калифорнию претендовала Россия, то в сторону Флориды поглядывала Федерация Великих равнин. Правда, там пока дальше риторики в прессе дело не заходило. На нее главный столичный канал решил ответить своей риторикой, затеяв «круглый стол» в эфире. Выглядела Росальба Веласкес весьма эффектно – орлиный взор, гордая посадка головы, уверенность в речах – немудрено, что популярность ее растет.

– И это говорит иерарх церкви, – вздохнула донья Исабель. – Ты молодой, скажи – сейчас в школе не сообщают, что Флориду открыл не святой Понтий, а его дед?

– Сейчас вообще стараются избегать термина «открытие». Считается, что это некорректно по отношению к коренному населению.

– Как глупо… выключи эту говорильню.

Они находись в гостиной коттеджа при матриархате. Донья Исабель недавно вернулась с совещания своей фракции при совете епископов, и хотя она не была склонна к проявлению эмоций, Андрес видел, что она не в лучшем состоянии духа.

– Все так плохо? – спросил он.

– Не так. Все гораздо хуже. Разумеется, Ватикан, получив известие о болезни Йорека, требует, чтобы к нему допустили врачей из Европы. И при том состоянии, в каком он находится, нас, разумеется, обвинят в покушении на его жизнь. Но реакция папы и старой Европы – это не худшее, чего следует ожидать.

– А что, по-вашему, худшее?

– Реакция наших сограждан. Йорек и без того был непопулярен. Если о его безумии станет известно, это, безусловно, сочтут карой божьей за высказывания о святой Каталине. При тех настроениях, что нагнетаются ныне фундаменталистами во главе с Росальбой, с одной стороны, и радикальными террористическими группировками – с другой, ни о каком примирении между церквями не сможет быть и речи. Вся предварительная работа в течение многих лет – ламе под хвост.

– Вообще-то, – сказал Андрес, – полиция считает, что покушение на жизнь Йорека действительно имело место. И госбезопасность тоже.

– Имперская безопасность, полагаю, считает так в первую очередь. Это ее обязанность – подозревать всех и вся. Но если они действительно не ошибаются… если Йорек стал жертвой злого умысла, а не просто помешался умом, дело обстоит еще хуже. Мне очень не хотелось бы, чтобы среди последователей церкви Откровения были преступники и провокаторы. Лучше бы следствию и впрямь найти виновных.

– Коррехидор Сапатеро считает, что вину могут свалить на Карлоса.

– Дон Мануэль изволил шутить. Карлос – неподходящая фигура. Вот если бы они могли свалить вину на меня… а что? Я была одной из последних, кто общался с Йореком. Вполне могла подсыпать ему на приеме у министра какой-нибудь неизвестный в Европе яд…

Епископ де Оливейра говорила с сухим сарказмом, но Андрес чувствовал – она, в отличие от коррехидора, не шутит… а если так… подобное обвинение может привести не только к обострению отношению между церквями, но и к расколу в самой церкви Откровения.

При том что у следствия нет ни одной реальной зацепки.

– Просто хоть садись и плачь от бессилия, – пробормотал он.

– В этом нет ничего дурного, сын мой. Ты помнишь, как святая Каталина описывает, как она в первый раз пролила слезы? Когда она увидела свою мать после многолетней разлуки или когда она смотрела на похороны брата, которого по горькой случайности убила на поединке, она испытывала душевную боль, но глаза ее оставались сухими. Однако после перехода через Анды, ослабев от голода и безмерной усталости, она впервые в жизни заплакала. Но не впала в отчаяние, а обратила свои мысли к деве Марии, которая и даровала ей спасение.

Андрес слушал пастырское наставление доньи Исабель, но не переставал размышлять. Нечто важное говорили ему все эти дни, нечто способное указать если не на разгадку тайны, то хотя бы на направление дальнейших действий. Но что это было? Когда?

Когда коррехидор сказал: «Наш экзорцизм на него не действует»?

Или когда доктор говорил: «Будь Йорек родом из Африки… но он – уроженец старой Европы…»

Или когда он сам орал, чтоб Карлос не смотрел волку в глаза? Потому что видел в тот момент перед собой не прелата, а волка.

И еще раньше донья Исабель сказала: «Я не могу ради пользы дела изменить свой пол». Нет – «Не могу ради этого визита превратиться в мужчину».

После этого все и началось…

После?

– Преподобная Исабель я прошу у вас разрешения обратиться за советом к одному моему старому университетскому другу. Быть может, консультация прояснит для нас некоторые особенности этого дела…

Старый друг Андреса Эрсильи при личной встрече оказался подругой. Может быть, поэтому Эрсилья и стеснялся, испрашивая разрешения на встречу, подумала донья Исабель.

– Шкик Ранчон, – представил ее викарий.

Даже если бы гостья носила европейское имя, все равно было бы ясно, что она принадлежит к коренному населению Испании Американской, как и донья Исабель. Такие же черные волосы, смуглая кожа красноватого оттенка, орлиный нос, глубоко сидящие темные глаза. Только гостья была лет на тридцать помоложе. Не красавица, но довольно привлекательна. Стильная стрижка, губы чуть тронуты помадой. Из уважения к епископу – в костюме, несмотря на жаркую погоду. Впрочем, не столь строгого делового фасона, как это принято в официальных кругах Арауканы. Лазурная ткань юбки и пиджака была украшена вышивкой и белыми аппликациями в национальном стиле, на поясе – бисер, морские раковины и затейливая бахрома, на шее – пара ниток крупных кораллов.

– Очень приятно, донья Шкик.

– Знакомство с вашим преосвященством – большая честь для меня. – У нее был низкий приятный голос.

Донья Исабель пригласила гостью сесть и распорядилась принести кофе. Андрес тем временем рассказывал:

– Мы вместе, Шкик и я, посещали семинар по духовным практикам при Лимском университете. И мне кажется, познания Шкик в определенных областях помогут нам выяснить, как совершилось преступление. А следовательно, кто его совершил.

Преподобную Исабель не оставляло впечатление, что Андрес чем-то смущен. Хотя она, кажется, дала понять, что не осуждает знакомства с девушками по молодости лет. Или ему неприятно, что он вынужден раскрыть тайну, которую церковь и полиция скрывают от общественности? Здесь донья Исабель взяла ответственность на себя, но… тогда его можно понять.

– Сдается мне, теперь под выражением «духовные практики» понимается не совсем старые добрые exercitia spiritualis.

– Совершенно верно. – Шкик Ранчон поставила чашку на столик. – Хотя духовные упражнения католического монашества также там изучались. Но наш семинар был организован для изучений методик всех конфессий, признанных в империи. Разработанных каббалой, суфизмом, исконными верованиями Испании Американской…

Пока она произносила этот монолог, донья Исабель снова пристально оглядела гостью – сама не понимая, что ее заставило это сделать, – от макушки до ног в туфлях-«лодочках» на низком каблуке. Туфли были довольно большого размера. Это не страшно, у многих женщин теперь ножка не маленькая, но…

Не размер ног, форма лодыжек задержала ее взгляд.

Фигуру можно изменить с помощью покроя одежды, адамово яблоко спрятать за коралловым ожерельем, но мужские лодыжки все же отличаются от женских.

И ведь не зря Андрес говорил о друге, а не о приятельнице. И при том, что Шкик – имя женское, в разговоре он избегал упоминать «друга» в женском роде.

– Ну, Андрес… – сердито начала преподобная де Оливейра. – Современная церковь, конечно, придерживается либеральных воззрений, но это уже чересчур!

Следующей фразы, а она, по всем признакам, должна была звучать, как «кого ты сюда приволок?», Эрсилья не стал ожидаться.

– Позвольте объяснить, донья Исабель… вы не так поняли. Шкик – лхамана, перерожденный шаман.

– Шаман? – епископ нахмурилась. – Перерожденный? – При нынешней свободе совести шаманизм в империи был официально признанной религией. Но те немногие шаманы, которых встречала в своей жизни донья Исабель, в быту выглядели обычными людьми, а на их религиозных обрядах она, по понятным причинам, не присутствовала. – Насколько мне известно, все шаманы считают, что они не умирают, а перерождаются в новом теле.

– Да, и поэтому термин «перерожденный» по отношению к лхамана не совсем верен. Просто такова традиция перевода. Хотя точнее было бы использовать слово «перевоплощенный». – Если в качестве женского этот голос мог казаться низким, то для мужского был высоковат. – Иногда при перерождении душа шамана воплощается в теле человека другого пола. Но у того изначально тоже есть душа… и с ней следует считаться. Окончательное перерождение шамана происходит во время инициации, которую мы все проходим в отрочестве. Если во время нее душа, вернувшаяся из иного мира, не будет отторгнута и тело не умрет, появляется перерожденный шаман. Мужчина в теле женщины или женщина в теле мужчины. Он или она обязаны жить по обычаям пола, которому принадлежит его душа, и носить соответственную одежду. Иначе пропадает дар. Это явление довольно редко встречается, поэтому вы, возможно, и не знали о нем.

– Но вообще-то о чем-то подобном в среде скифов писал еще Геродот. Следует добавить, – подхватил Эрсилья, – что перерожденные шаманы считаются самыми сильными.

– Это так. – Шкик как будто извинялся… или извинялась. – Поскольку лхамана соединяет две души, то у него два нагуаля, в отличие от других людей. Соответственно, и сила его возрастает.

– Звучит как ересь. Два ангела-хранителя… Впрочем, вы не исповедуете нашей веры…

– Если говорить о сходстве и различии в наших верованиях, то – возможно, вам неприятно это слышать, но такова правда – мапуче считали святую Каталину перерожденным шаманом. Поэтому многие из них поддержали ее во время войны с крестоносцами, несмотря на вековую вражду с испанцами. Они считали, что именно из-за силы перерожденного шамана ей сопутствует удача во всех начинаниях.

– И вы полагаете, – в голосе доньи Исабель не слышалось дружелюбия, – что обладаете такой же силой?

– Никто из нынешних шаманов – ни перерожденных, ни иных – не обладает силой шаманов прошлого. Нынешняя среда гораздо менее враждебна… и в отсутствие войн и религиозных преследований мы определенным образом расслабились.

Де Оливейра хмыкнула.

– Тогда как же вы намереваетесь нам помочь?

– Надеюсь, что смогу, – темные глаза Шкик смотрели в глаза епископа. – С течением веков христианская церковь – все ее ответвления – становилась все более рациональной. Наверное, в глобальном смысле это правильно. Но это делает христиан уязвимыми перед атаками… из иных миров. Так было и раньше, во времена Арауканских войн, хотя некоторые монашеские ордена владели… определенной техникой защиты.

– И вы считаете, что Владислав Йорек стал жертвой подобной атаки.

– Я не исключаю такой возможности. Понимаете, все шаманы так или иначе имеют контакты с миром духов, иначе они не были бы шаманами. Но они черпают свои силы из разных сфер. Одни – из Верхнего мира, Вену Мапу, другие из Нижнего, Шибальбы, в христианстве именуемом преисподней. На самом деле между шаманством и христианской верой есть немало точек соприкосновения. И там и там есть сферы, которые можно назвать Раем и Адом, есть умирающие и воскресающие божества, есть непорочно зачавшие девы – имя одной из них я ношу, есть духи-хранители… впрочем, то же можно сказать обо всех мировых религиях. Но они не идентичны. В частности, техника управляемого и контролируемого транса, во время которого шаман входит в контакт с духами, современному христианству чужда. Ведь так?

– Во всяком случае, тому христианству, которое исповедуем мы. – Донья Исабель говорила сухо, но вынуждена была признать, что в словах Шкик есть определенная правда. Экстазы и озарения, коими славились святые прошлого, остались далеко позади. И это в конфессии, которая именует себя церковью Откровения! Как будто само Откровение было последней вспышкой религиозного озарения… то есть, учитывая его массовый характер, не вспышкой, а скорее, пожаром, выжегшим все последующие проявления подобных сил.

Мысль эта была неприятна, и преподобная Исабель отодвинула ее в глубь сознания.

– А мы практикуем это постоянно. Но, как уже было сказано, с разными целями. Одни шаманы – для исцеления, другие – для того, чтобы причинять людям вред. И для этого им нет необходимости травить жертву или гипнотизировать ее, как предполагает сеньор Сапатеро.

– Я понимаю ход ваших мыслей. И вы предполагаете, кто конкретно мог это сделать? Поскольку у вас есть знакомства в этой среде?

– Сложность в том, что шаманы Шибальбы не афишируют свою деятельность. Разумеется, привлечь их к уголовной ответственности чрезвычайно сложно, почти невозможно. Хотя попытки были – несколько лет назад, в Вальпараисо…

– Помню – тогда что-то писали о секте сатанистов.

– Не совсем так… но тогда деятельность этой группы была признана противозаконной, ее участники арестованы. Но никто не поручится, что обезврежены были все. Возможно, кто-то ушел от ответственности и работает под каким-то легальным прикрытием. Надеюсь, с помощью дона Андреса мне удастся определить, не вступал ли кто-нибудь из них в контакт с Йореком.

Донья Исабель задумалась. Шкик Ранчон определенно знает об инциденте в Вальпараисо больше, чем говорит. Сомнительно, чтоб «перерожденного шамана» привлекали в качестве консультанта госбезопасность или полиция – иначе сейчас они не преминули бы поступить так же. Не исключено, что там какие-то личные счеты. В деревне, где выросла юная Сабелита, старики рассказывали сказки о жестоких битвах, в которые вступали между собой калку прежних веков, и, возможно, это были не совсем сказки. Вопрос в том, насколько деятельность Шкик совместима с учением церкви.

– А вы, донья Шкик, причисляете себя к шаманам Верхнего мира?

Кивок.

– Мой нагуаль – сокол. Дух одной из небесных сфер.

– В таком случае, если ваш труд послужит благу церкви и империи… и просто излечению одного человека… работайте, дети мои.

Инициация перерожденного шамана выпадает на возраст от одиннадцати до четырнадцати лет. (Некстати вспомнилось – именно в возрасте четырнадцати лет святая Каталина, до того даже в окно не видавшая городских улиц, бежала из монастыря в мир.) Поэтому ко времени поступления в университет Шкик уже достаточно давно пребывала в своем нынешнем статусе и чувствовала себя в нем естественно. А вот Андресу стоило немалого труда приучить себя видеть в друге женщину, а не мужчину, переодетого в женское платье. Увы, в университете многие воспринимали такую манеру поведения совершенно однозначно. Между тем, по словам Шкик, «перевоплощение» вовсе не означает автоматического перехода в лагерь сексуальных меньшинств. То есть статус перерожденного шамана дозволяет личные связи по модели того пола, какому принадлежит душа. (Парадоксально, но здесь гомосексуальными считались именно связи с людьми противоположного биологического пола.) Допускался даже брак. Но это не диктовалось. Некоторые шаманы соблюдали целибат, полагая, что это усиливает их способности – это называлось «сохранять верность коричному дереву», которое у шаманов считалось священным. (И опять следовала ссылка на святую Каталину, которая в этом отношении всегда вела жизнь вполне монашескую.) Шкик избрала именно такой путь. Но объяснить это в университете было сложно. Вообще-то сложностей было бы гораздо меньше, если бы ее просто считали женщиной, тем более что не все окружающие так наблюдательны, как донья Исабель. Но на семинаре знали, кем является лауреат мемориальной стипендии имени Альфреда Кребера… Андрес в то время готовился принять сан, и то обстоятельство, что он и Шкик сознательно отринули определенную сторону жизни, выделяло их из остальных участников семинара. Возможно, потому они и подружились.

После окончания университета Шкик переехала в Араукану. Не только потому, что она была родом из провинции Чили. Несмотря на то что здесь располагалась резиденция матриарха, многие столичные чиновники исповедовали исконные религии Испании Американской, и квалифицированному шаману нетрудно было найти работу. С Андресом они с тех пор не встречались, но иногда переписывались, и поэтому он знал ее адрес и телефон.

– Расскажи-ка ты мне об этой истории с сатанистами в Вальпараисо, – сказал он, когда преподобная Исабель вернулась к себе. – Я знаю только то, что сообщалось в новостях, и хочу понять, как это может быть связано с нашим делом.

– Для христиан любая форма поклонения старым богам уже есть сатанизм… но в данном случае их трудно за это осуждать. Эта местность издавна считалась обиталищем Чивато. Христиане считают его воплощением дьявола, и действительно, сходство налицо: это гигантский козел, что ходит на двух ногах и пожирает людей, наслаждаясь их мучениями и страхом. Может быть, испанцы и назвали этот город «Райской долиной», чтоб задобрить Чивато или чтобы избавиться от сглаза. В общем, Чивато – сущность малопривлекатель-

ная… но и худшие находили своих почитателей. В данном случае – не только среди маргиналов, но и среди людей образованных. Одни считали культ Чивато верностью традициям наших предков, другие – неким патриотическим действием, неприятием религии оккупантов…

– И они пытались тебя привлечь.

Руки Шкик перебирали сложно сплетенный из полос кожи шнур, привязанный к поясу. В отличие от доньи Исабель, Эрсилья знал, что все эти шнуры, бусины, бахрома на одежде – не украшения, а часть шаманского снаряжения.

– В общем, да. Но для меня это предложение неприемлемо. Чивато, знаешь ли, не гигант мысли. Если ты достаточно умен и не сразу сдашься, он станет загадывать тебе загадки. Если все правильно отгадать, можно от него освободиться. И, говорят, немало людей сумело это сделать.

– У нас тоже есть множество историй о людях, сумевших обхитрить черта.

– Знаю, знаю… Но главная причина, по которой шаман Верхнего мира не может принять этот путь, конечно, в другом. Ты уже слышал: Чивато любит человеческие мучения. Человеческую кровь. Вальпараисо – город портовый, там можно долго скрывать исчезновение людей, особенно из низших классов общества: пьяниц, бродяг, проституток. Долго. Но не бесконечно. Полиция все же вышла на них, несколько случаев ритуальных убийств были доказаны, что и дало возможность квалифицировать деятельность группы как преступную.

– Тут все более-менее ясно, но связи я так и не уловил.

– Ты плохо слушал. Эти люди считали себя патриотами. В какой-то мере – единственно истинными патриотами. Для них было неприемлемо все, что исходит из старой Европы. В том числе – даже те формы вероучения, что адаптированы к условиям Испании Американской – церковь Откровения, или Христа-Кецалькоатля. Годились только исконные религии континента…

– И ради этого они резали алкоголиков и портовых шлюх?

– Ну, не всегда сами резали… Но в целом да. Дабы напитать старых богов и укрепить их нагуалей. В сущности, тот же терроризм, только духовный. А теперь рассмотрим случай с Йореком. Подоплека та же. Акция направлена против представителя враждебной для них страны и враждебной конфессии. Одновременно, если дело получит огласку, в глазах мира будет скомпрометирована церковь Откровения, да и нынешнее правительство, пожалуй, тоже.

– Страшноватые вещи ты говоришь, но похожие на правду. Однако тут метод преступления – если оно вообще имеет место быть, это преступление, – совершенно иной.

– А я не думаю, что уцелевшие участники группы Чивато или их единомышленники повторят ошибки, совершенные в Вальпараисо. На сей раз – никаких действий, подходящих под статьи уголовного кодекса. Тем более что непосредственные исполнители уголовных деяний уже сидят, а новых вербовать опасно. Объектом покушения стало не тело жертвы, а душа. Это работа как раз для шамана.

– И тебе известны шаманы, способные на такое.

– Известны. Впрочем, возможно, на Йорека напал как раз кто-нибудь, кого я не знаю. В любом случае, – эта фраза Шкик предупредила вопрос Эрсильи, – ни один шаман, даже самый лояльный к властям, никогда не заявит на другого в полицию или госбезопасность. Таков обычай. Извини, но придется разбираться самим.

– Ладно. – Андрес чего-то подобного и ожидал. – Мы не идем в полицию с нашими данными, зато полицейские данные пришли к нам. Давай для начала посмотрим распечатки.

Сапатеро дал Андресу списки тех, кто посещал временную резиденцию папского посланника, а также журналистов, присутствовавших на пресловутой пресс-конференции. Сведения о некоторых из них Эрсилья мог найти в сети, но он надеялся, что Шкик, посто-

янно проживая в столице, может иметь больше информации. Но первый вопрос последовал именно от Шкик.

– Тебе что-нибудь известное об организации под названием «Никах»? Ее представитель был и на встрече с прессой, и у Йорека в доме.

– «Никах»? – Эрсилья наморщил лоб. – Что-то я такое припоминаю. Экологический центр… «Никах» ведь и означает «средоточие», «центр» на киче, если не ошибаюсь?

– Совершенно верно.

– Ну, как водится, борются за спасение лесов Амазонки и против целлюлозно-бумажных фирм на озере Титикака… Издают собственный журнал, его корреспондент и посещал Йорека.

– Ты помнишь, о чем он спрашивал прелата?

– Насколько я помню, на пресс-конференции он вопросов не задавал. Но это еще ничего не значит. Возможно, он брал у Йорека интервью, когда был у него дома. Тебя что-то смущает?

– Пока не знаю. Ты не можешь посмотреть в сети, где они зарегистрированы?

Андрес открыл таблакалькулу, пробежал пальцами по клавиатуре.

– В провинции Гуатемала. В общем, это естественно – раз уж борешься за сохранность лесов, надо быть поближе к объекту охраны.

– А в столице, надо полагать, у них корреспондентский пункт. Все понятно, кроме одного – какой интерес экологическому центру в Йореке?

– А какой интерес в нем доброй половине журналистов, которая там паслась? Приезд нунция в Араукану, как к нему ни относиться, – значительное событие, и о нем готовились писать многие непрофильные издания… особенно если там пахнет скандалом.

– А скандал пытался спровоцировать парень из России… ага, вот он. – Шкик сделала пометку на распечатке. – У Йорека дома он, согласно полицейским сведениям, не появлялся. Я проверю… а вот то, что касается «Никаха», сбрось мне пожалуйста, на меморию. – Один из амулетов, болтавшихся на поясе Шкик, оказался флэш-меморией в замшевом футляре.

– В тебе подозрительности больше, чем в полицейских.

– То-то полиция до сих пор никого не нашла… Я, правда, не знаю, есть ли там что-то, но… шаманы должны полагаться на свою интуицию.

– Но при этом пользоваться сетевой информацией и таскать при себе флэшку.

– Если это считается в наше время приемлемым для католического священника, то почему не для шамана?

Возразить было нечего.

Однако первое, что услышал Эрсилья на следующий день, когда раздался телефонный звонок от Шкик, было:

– Извини за самонадеянность. Похоже, это был ложный след.

– То есть?

– Мне удалось выяснить, кто стоит за «Никахом». Это действительно шаман Шибальбы, и сильный. Но вряд ли он имеет отношение к данному инциденту.

Андрес не стал спрашивать, каким образом удалось это выяснить. Хотя он слышал о шаманских практиках, за все годы ему ни разу не приходилось видеть Шкик за работой. И это, наверное, было правильно. Спросил он другое:

– А можно поподробнее – почему ты так думаешь и какое отношение шаман Нижнего мира имеет к экологической организации? Дело-то благородное.

– Охрана окружающей среды – дело, безусловно, благородное, и многие шаманы сотрудничают в этой сфере. Но специализация «Никаха» – леса бассейна Амазонки. Для шаманов этот край священен и неприкосновенен. Не только потому, что среди тамошних

племен многие традиции сохраняются в первозданном виде. Видишь ли, там произрастают некоторые растения, необходимые для ряда шаманских практик. Только там.

– Галлюциногены?

– Давай не будем углубляться… скажем так, употребление их помогает шаманам расширять сознание, достигать определенных сфер иных миров… не становясь при этом наркоманами. Не все шаманы пользуются этими средствами, но многие. Так что для них сохранение амазонской флоры жизненно необходимо. Хотя… – последующая фраза была произнесена с явным нежеланием, – обычные наркосодержащие растения там тоже встречаются.

«Так. Понятно. Стал бы кто финансировать экологический журнал, не имея с этого практической выгоды, увы. Однако один шаман ни за что не станет доносить на другого, даже если тот связан с организованной преступностью, – это вчера мне определенно дали понять».

– Гуатемала входит в сферу распространения этих… хм… растений? – уточнил Эрсилья.

– Да. И Тамасул живет именно там.

– Значит, его зовут Тамасул. И что он собой представляет?

– Ты уже слышал. Один из великих. То есть такой, в роду которого было не менее десяти практикующих шаманов. А родословная Тамасула восходит к доиспанскому периоду. Поэтому он и отказывается носить испанское имя. Мне приходилось с ним сталкиваться, поэтому я кое-что о нем знаю.

– Насколько я понял из твоих намеков, этот милый человек консультирует наркомафию, верно? Почему же ты считаешь, что в данном случае он невиновен?

– Тамасул никогда не был связан с группой Чивато. И не мог быть с ней связан.

– Не мог?

– Сторонники этого культа приносили кровавые жертвы. А Тамасул не может проливать кровь. Для него это табу. У него другие способы… причинять вред.

– Шкик, не стоит себя винить. Возможно, единственная твоя ошибка – убеждение, даже предубеждение, что за шаманской атакой стоят представители группы Чивато. С чего бы? Ведь при нападении кровь не проливалась. А вот мотивы у Тамасула могут быть такие же, как у представителей этого культа. И как специалист по наркотическим веществам, он мог пустить в ход такие, какие официальной медицине неизвестны. Потому эксперты их и не обнаружили. Собственно, подобная версия уже выдвигалась – и коррехидором, и доньей Исабель, но доказательств не было. А здесь… ложный след вполне способен привести к правильной цели.

– Осталось только это доказать. – В голосе Шкик не слышалось энтузиазма.

– Ты можешь распознать действие подобного наркотика?

– Ну… в принципе могу…

– Тогда выезжай к госпиталю Святой Троицы. Я встречу тебя там. Попробую убедить доктора Тлалока, чтоб он позволил тебе осмотреть пациента. И, независимо от того, причастен Тамасул или нет, у нас появится хоть какая-то отправная точка.

До больницы Эрсилью довез Карлос, с которым викарий по пути обсудил некоторые обстоятельства дела. О чем и сообщил Шкик, когда они встретились.

– Было бы неплохо выяснить, находится ли Тамасул в Араукане. С Йореком встречался корреспондент «Никаха» Рауль Очоа. Карлос мог бы проследить за ним. Ты не сбросишь Карлосу фотографию Тамасула?

– Таковой не существует. Вообще никаких изображений. Шаманы вообще чувствительны к таким вещам, а Тамасул в особенности. Но это неважно. Я знаю, как он выглядит, и объясню Карлосу. А ты пока иди, договаривайся с врачом.

Андрес представил Шкик доктору Тлалоку как «независимого эксперта», но, как показалось викарию, психиатр догадался, кто это. Более того, отнесся с почтением, хотя и считался католиком по вероисповеданию. Очевидно, он больше знал о перерожденных шаманах, чем преподобная Исабель.

– Вы можете взглянуть на пациента, сеньорита Ранчон. – В некоторых отношениях доктор был старомоден и не признавал нынешнего обращения «донья» ко всем женщинам – теперь считалось, что обращения «сеньора» или «сеньорита», указывающие на семейный статус, неполиткорректны. – Только недолго. Зрелище не из самых приятных. Как раз кончилось действие седатива, и больной… неспокоен.

– Может быть, так даже и к лучшему. – Кивнув Андресу, Шкик проследовала за доктором в палату, где рычал и бился в путах преподобный Йорек.

До возвращения прошло около получаса или, может быть, чуть меньше. Доктор определенно ждал суждения шамана, но Шкик заговорила, только когда они с Андресом покинули отделение.

– Йорек не отравлен. Он даже не болен ликантропией, как полагает доктор Тлалок. Он не считает себя волком. Он и в самом деле волк.

– В каком смысле?

– В прямом. Его душа здорова, но это не душа человека. Мы умеем видеть такие вещи. А то, что он бесится и бросается на людей, – представь, как бы вел себя волк, если бы его лишили свободы?

– А способен какой-нибудь шаман… как бы это сформулировать… забрать у человека его душу и заменить ее душой животного?

– Заменить – нет. Забрать – некоторые могут. Тамасул, например. Это одно из его умений. Я не могу тебе объяснить, как это делается технически, но шаман Шибальбы забирает душу жертвы в плен. И жертва после этого умирает. Поэтому ему и не было необходимости никому перерезать горло.

– То есть человек, у которого украли душу, выжить не может?

– Может, только… – Шкик умолкла.

– Только что?

– Если он тоже шаман.

– Шкик, о чем ты? Йорек не может быть шаманом. В старой Европе шаманов нет.

– В России есть. Я точно знаю. А это рядом с Польшей.

– У поляков совсем другие традиции. Я перед приездом Йорека много читал, подготовился. Хоть это мне и не пригодилось.

– Вдруг еще пригодится? Что ты мне в университете рассказывал насчет того, как Геродот описывал шаманские традиции у скифов? Разве поляки не потомки скифов?

– Это русские считаются потомками скифов. Да и то вопрос спорный. А поляки возводят свою родословную к сарматам, совсем другому, хоть и родственному скифам, народу. Что также считается спорным.

– С ума свихнуться можно с этой Восточной Европой. Не то что у нас – все понятно. Тем не менее, поскольку ты хоть сколько-нибудь, в отличие от меня, разбираешься в вопросе, прошу, поищи что-нибудь в этом направлении. Вдруг какое-то объяснение отыщется. А я пока помогу Карлосу. Если Тамасул в Араукане, нельзя оставлять Карлоса без защиты.

– Но тебе удалось объяснить ему, как этот Тамасул выглядит?

– Нет. Я ему Тамасула показала. Для этого мне не нужно фотографий.

На следующее утро Эрсилья позвонил Шкик по мобильному.

– Я тут посидел в библиотеке и, кажется, нашел решение. Твой диагноз, похоже, верен – у Йорека может быть сейчас душа волка. Но и я тоже прав. Йорек не шаман. Он – двоедушник.

– Dwoedushnik?

– Дословный перевод – человек с двумя душами.

– У некоторых народов, севернее от нас, двудушными – нахлеве – называются перерожденные шаманы.

– Нет, двоедушник, он же босоркун, если верить справочникам, представляет собой нечто совсем другое. Как пишут антропологи, в Восточной Европе, в частности в Польше, ранее было распространено поверье, что человек способен от рождения обладать двумя душами – человеческой и звериной. Причем эти две души могут даже не подозревать друг о друге. Душа звериная пробуждается, когда человеческая спит, и странствует – тут исследователи расходятся – либо в духе, либо в собственном теле. Пробуждаясь, человек ничего не помнит. Часто считалось, что у мужчины вторая душа принадлежит собаке или волку, а у женщины-двоедушницы – кошке. По смерти человеческая душа отправляется туда, куда и положено обычной человеческой душе: если грешна – то в ад, если нет – то в рай. А звериная душа становится вампиром.

– Вампиром-то почему?

– Не знаю, так в книгах написано. У некоторых народов двоедушники или двоедушницы считались зловредными колдунами и ведьмами, у других – жертвами своеобразной болезни, и считалось, что их можно вылечить, изгнав звериную душу.

– И человек выживал после такого лечения?

– Пишут, что выживал, только долго болел.

– А изгнать – или забрать – человеческую душу, видимо, никому не приходило в голову. – В голосе Шкик слышалась задумчивость. – Возможно, ты действительно прав. Как я понимаю, Йорек был человеком с сильной волей и, по человеческим меркам, здоровой психикой. Он сумел полностью держать под спудом вторую душу, так что о ее существовании не подозревали ни окружающие, ни он сам. Все верно. Покушавшийся не собирался превращать Йорека в волка. Он хотел его убить. Но тело Йорека осталось живым, потому что в этот миг его заняла звериная душа, вырвавшись из-под гнета человеческой.

– Убить? То есть мы опять вернулись к версии политического терроризма?

– Похоже на то. Извини, я сейчас отключаюсь. Продолжу то, о чем мы вчера говорили.

– Ты где? Может, мне подъехать, помочь?

– Ни в коем случае.

Образ Тамасула отпечатан в сознании Карлоса. И когда охранник епископа увидит того, кого нужно, его увидит и Шкик. Очоа покинул корреспондентский пункт «Никаха» на авенида Кауполикан, выкурил сигарету, стоя у машины – «Шочи», некогда серебристой, а теперь цвета пыли. Очоа лет тридцать, но выглядит он старше – одутловат, с желтоватой кожей. Спортивного покроя рубашка и парусиновые брюки явно несвежи. Затем он садится в машину и движется в нижнюю часть города, к торговым рядам в районе Вильягран. Шкик отмечает все его передвижения. В общем-то взгляд Карлоса – нечто вроде прибора слежения, только без техники. К сожалению, шаманы еще не научились вот так, без техники прослушивать телефонные разговоры и черпать информацию из глобальной сети. Вероятно, когда-нибудь это произойдет, но вряд ли в нынешнем поколении. Но и такие, какие есть, шаманы были бы сущей находкой для полиции и спецслужб любой страны. Идеальные убийцы и идеальные разведчики. Загвоздка в том, что шаманы не идут на службу государствам. Даже самые лояльные. Ни добровольно, ни под пытками. Говорят, что во время мировой войны отступления от этого правила случались. Правда, не в Испанской империи. Было дело и у

союзников – в Тексасе, в Федерации Великих равнин, в России – и у противников, в Тибете. Но это было давно… и сейчас ведь нет войны… или уже есть?

Все это не отменяет правила. Шаман не служит государству, хотя может служить его жителям. Шаман соблюдает правила, хотя действует сам по себе. Шаман знает о других шаманах, но не объединяется с ними. Хотя было дело, объединились. Только об этом предпочтительнее не знать. Не знают даже многие шаманы.

Но в данный момент думать об этом некогда. В машину Очоа подсел человек. Он мелькнул в поле зрения Карлоса очень быстро, отразившись стекле ближайшей витрины. Так что Шкик видит даже не его, а отражение отражения. Но этого достаточно.

Этот человек стар, с длинными седыми волосами. Одет в стандартный темный костюм, хотя обычно предпочитает традиционную одежду – юбку и пончо. В Буэнос-Айресе и некоторых других городах он не стал бы изменять своего обличия. Но здесь Араукана, город чиновников, и он предпочитает походить на пожилого госслужащего. Того, кем шаман по определению не может быть. Но сейчас шамана в нем выдают только повязка на волосах и амулеты на шее. Их значение может определить лишь знающий человек.

А потом Шкик отчетливо видит его лицо – которого сейчас Карлос не может видеть. Проваленные щеки, длинный костлявый нос, кожа очень темная, темнее, чем у большинства граждан Испании Американской. Он также довольно небольшого роста, но широкоплеч – однако это знает тот, кто видел его раньше.

Тамасула не зря причисляют к великим шаманам. Он заметил, что его отражение в стекле было поймано, хотя и не знает, кто это сделал. Он ищет.

Карлоса необходимо немедленно отозвать. Сейчас Тамасул займется устранением тех, кто может подтвердить его местопребывание в Араукане. За себя Шкик пока не опасается. Тамасул помнит – один шаман не будет свидетельствовать против другого. А вот люди, шаманским даром не обладающие, свободны от этих ограничений. Очоа в том числе.

Очоа, похоже, уже не спасти. За время наблюдения Шкик удалось отчасти его изучить. Он не был безвольным рабом, подсаженным на наркотики. Он сознательно помогал Тамасулу напасть на Йорека. По всей вероятности, принес Тамасулу какие-то вещи нунция, которые удалось заполучить во время визита в особняк. Достаточно было стакана, из которого Йорек пил, или использованного столового прибора. Для связи с душой человека шаманы используют жизненные выделения его тела, слюна для этого особенно годится.

Рауль Очоа считал, что действует во имя благородного дела. Но те, в Вальпараисо, которые резали глотки портовым шлюхам и почему-то считали, что Шкик следует быть на их стороне, тоже были уверены, что их дело благородно, что они мстят проклятым испанцам за сотни лет угнетения… Какому благородному делу служат Тамасул и Очоа? Что в действительности представляет собой «Никах»?

Но это – позже. Сначала обезопасить остальных. Позвонить Карлосу и оставить сообщение Эрсилье, чтоб ни в коем случае не вздумал являться на городскую квартиру Шкик. Другого адреса он не знает, на свое счастье. И полицию чтоб не вызывал. Это дело между нами, шаманами.

Потому что к тому времени, когда Шкик закончит с предупреждениями, а в машине окажется безжизненное тело Рауля Очоа, Тамасул уже будет знать, кто ему противостоит. В Араукане проживает несколько шаманов, но из великих – только Шкик.

Из письма Шкик Рончон к Андресу Эрсилье (оставлено в папке «До особого уведомления»):

«В течение последних столетий, покуда церковь Откровения вбирала в себя все больше местных верований, понятия «дух-хранитель» (нагуаль, пасук, аку-аку и т. п.) и «ангел-хра-

нитель» стали отождествляться. Но это не совсем верно. Или совсем не верно. Да, ни один католик прежнего закала не представит себе ангела-хранителя в облике зверя, или растения, или огненного шара, как католик Откровения. Но все же христиане Испанской империи не отождествляют своих хранителей с собой. Между тем, для нас нагуаль существует и отдельно, и то же время он неотделим от человека. Под «нами» я разумею не только шаманов, но всех верующих в древних богов, однако для шаманов это особенно важно.

Мне трудно объяснить, где проходит грань. Это и невозможно объяснить. Можно только пережить.

То же касается различия между шаманами Верхнего и Нижнего миров, целителями и убийцами. Для вас первые будут хорошими, вторые – однозначно плохими. Но тут тоже все не так просто…» (незакончено).

«Мы встретились, лхамана».

«Мы еще не встретились, мачи».

«Это угроза? Думаешь, я испугаюсь угроз перерожденного?»

«Ты многое забыл, мачи».

«Я ничего не забыл. Это такие, как ты, – смирившиеся с властью испанцев и их надругательством над истинной верой, – забыли, какова была наша истинная цель».

«Многие забыли. Но в моем роду помнят об ошибке, которую допустили наши предки».

«Они все сделали правильно! Это белые священники ошиблись! Эти глупцы не сумели даже правильно понять то, что им приказали!»

«Значит, виноваты те, кто не сумел правильно объяснить, чего они хотели».

«Пусть так. Это была ошибка. Но ее еще можно исправить».

«И ради этого ты забрал душу белого священника».

«Я хотел убить его. Но то, что получилось, лучше. Они могли обладать такими же силами, как мы, но сами отказались от них. Кто понимает, видит это».

«Я не вижу, как может твой поступок исправить ошибку наших предков».

«Ты истинно глуп, перерожденный, видно, из-за того, что якшаешься с испанцами. Ничего, я избавлю тебя от них. Душа белого священника – это камешек, который вызовет лавину. Лавину, которая сметет испанцев с нашей земли».

«Ты живешь понятиями прежних веков. Те, кто послал белого священника, не станут затевать из-за него войну. И новые крестоносцы не явятся на эту землю».

«И снова глупость, лхамана. Не для тех, кто за морем, было затеяно это. А для тех, кто владеет нашей землей не по праву. Они и сейчас раздулись от самодовольства, а теперь и вовсе уверятся, что стали всемогущи, как боги. Они понесут свою веру в заморские страны. Они станут новыми крестоносцами. Но теперь у людей есть оружие, которого не было в прежние времена. И одни белые уничтожат других, а также их прихвостней».

«И ты думаешь, что нас это не затронет? Что землю, за очищение которой ты борешься, не выжжет огнем и не отравят ядовитые дожди? Кто из нас глуп, калку? Или ты обкурился своих снадобий?»

«Если без этого не обойтись, пусть так и будет. Приход Черного дождя предсказан. Он прольется и сотрет все ненужное. Мы все начнем сначала. Мы – те, кто умеет жить в мире, каким он был без благ, за которые вы все хватаетесь. Тебе меня не остановить».

И мачи закрывает свое сознание. Впрочем, лхамана уходит еще раньше.

Для того чтобы два могучих шамана услышали друг друга, большой силы не требуется. Иное дело, если они собираются напасть друг на друга. В прежние времена шаманы

постоянно сражались между собой, теперь это случается реже, но все же они еще не забыли исконный обычай.

Шаманы не сражаются в среднем мире. Их битвы происходят там, где каждый из них может объединиться со своим духом-хранителем.

Тамасул – шаман Шибальбы. Шкик знает, каков его нагуаль; он мог бы вознести шамана в Верхний мир, но Тамасул не станет туда подниматься. Он не пойдет туда, где сила его уменьшится. Он будет ждать там, во мраке, где томится захваченная им душа человека, ставшего волком.

Придется отправиться туда.

Для этого есть разные способы. Большинство шаманов используют для этого снадобья: питье и курение. Разумеется, в лавчонках на окраинных улицах любого большого города, даже здесь, в Араукане, вам продадут нечто, именуемое «настоящим шаманским снадобьем», на более подробные расспросы назовут его яге, аяхуаской, симорой или копалем. И никакой отдел по борьбе с наркотиками не в состоянии с этим бороться. Пусть борется, кстати. Потому что к настоящим яге, аяхуаске, симоре или копалю эта отрава имеет такое же отношение, как воздушный змей к реактивному самолету.

И правильно. Неподготовленных людей за штурвал реактивного самолета не сажают.

Но Шкик не пользуется этими снадобьями. Есть не менее действенные способы направить свой дух в иные миры. Нужно лишь обладать особой восприимчивостью к ритму и пению.

Донья Исабель не узнала бы сейчас посещавшую ее благоприличную молодую даму в модном костюме. Да и Андрес не узнал бы. Хотя одежда на лхамана по-прежнему женская. Шаманы у мапуче всегда должны были проводить свои ритуалы – нгильятум – в женской одежде, независимо от того, были они перерожденными или нет. Это тоже было знаком принадлежности к иному миру. Но одежда непременно должна быть исконной, такой какую носят женщины народа.

Сейчас на лхамана было одеяние арауканской женщины – кепам, кусок синей ткани, окутывающий всю фигуру, и заколотый на плече белой застежкой из морской раковины. Рука лежит поверх небольшого барабана, пальцы бьют по туго натянутой коже в такт песне, которую напевают шаман.

У песни не бывает постоянных слов. Но в ней есть слова силы, которые, повторяясь, выстаивают путь могущества – до того времени, когда нагуаль не вырвется во внешний мир.

Он летит во тьме, но то, что встретится ему, будет тьмой еще худшей. Она лежит за рекой крови, отделяющей средний мир от Нижнего. Это кровь жертв, приносимых теми, кто хотел войти в Шибальбу. Людей и зверей. Сильные шаманы способны пересечь реку, не принося жертв. Возможно, будь у Тамасула иной нагуаль, он бы не смог проникнуть сюда из-за запрета на кровь. Но его нагуаль способен реку перелететь. Так же, как нагуаль Шкик.

Сокол-шкик, посланец Солнца, влетает в вязкий мрак, полет его, ранее стремительный, как мысль, замедляется. Но не останавливается. Ибо движет его сила шамана и у нее есть оружие. Солнечные стрелы вылетают из клюва птицы и освещают путь во тьме. Ибо первый дом, что предстанет ему, – Дом Мрака. Но Тамасула там нет. Он на самом дне Шибальбы, в последнем из домов – Доме Нетопырей.

И он вылетает оттуда. Но это не обычная летучая мышь. Ибо ошибочно думать, что нагуали всегда имеют облик существ, известных обычным людям. Это чакицам – чудовищных размеров нетопырь, из морды которого вырастает клинок.

В человеческом обличии Тамасулу запрещено проливать кровь, он ни разу никого не ударил ножом, даже не поцарапал. Его хранитель – иное дело. В Шибальбе не действуют законы срединного мира. И он налетает на сокола, стремясь рассечь его пополам. Солнечные стрелы бьют в ответ, и первая атака заканчивается, не принося чакицаму успеха. Но он не

отступает. Он в своем доме, здесь он сильнее всего, а сокол, наоборот, ослаблен. И запас солнечных стрел не бесконечен. Не удалось убить противника одним ударом – можно измотать, обескровить, лишить оружия и только после этого добить.

Они бьются во мраке, освещаемом вспышками стрел, но вспышки эти становятся все реже. И освещают тень дерева, на ветки которого нанизаны черепа противников калку. И если есть у этой битвы свидетель, он может различить при всполохах фигуру человека со скованными руками. Он там, внизу, на самом дне преисподней, где ниже нет ничего – если этот колодец вывернуть наизнанку, будет гора, ведущая в Верхний мир. Но здесь это колодец, и обессиленный битвой и тьмой сокол падает во тьму, а чакицам, описывая круги, снижается вслед за ним, чтобы растерзать.

…и попадает в ловушку. Из мрака вырывается ягуар и в прыжке обрушивается на адского нетопыря. Вот почему перерожденный шаман считается самым сильным. Ибо Творец, Владыка людей Нгенемапун, правящий в Вену Мапу, имеет двойственную природу. Он мужчина и женщина, старик и юноша, свет и тьма. Сокол – птица солнца, но ягуар – зверь ночной. Даже если шаман избрал путь Верхнего мира, небо имеет дневную и ночную стороны, и ночной нагуаль свободен во мраке. И разве Шкик, непорочная дева, родившая Солнце и Луну, не была дочерью владыки Шибальбы?

Ягуар на дне колодца терзает чакицама, а сокол, разбив оковы, уносит человеческую душу ввысь.

Группа медиков из Рима подоспела как раз к тому моменту, когда Владислав Йорек пришел в себя. Как и следовало ожидать, его заболевание приписали резкой смене климата. Доктор Тлалок догадался в разговоре с европейскими коллегами ни разу не упомянуть ликантропию. Нервный срыв – понятие очень удобное. В свою очередь, Йорек ни словом не упомянул, посещали ли его во время болезни какие-нибудь видения.

Тем не менее Йореку было рекомендовано незамедлительно покинуть Араукану. По состоянию здоровья. О том, последует ли какая-нибудь замена, соответствующие инстанции промолчали. Так что можно было сделать вывод: первая попытка контакта между Ватиканом и Арауканой закончилась неудачей. Имперские и мировые СМИ его и сделали.

Андрес вовсе не был в этом уверен.

Он сопровождал Йорека до аэропорта Арауканы. Разумеется, Шкик там не было. Йорек – сильный человек, сохранил рассудок после пережитого, но встреча с перерожденным шаманом для него – это уже слишком.

– Вы – секретарь де Оливейры, – сказал нунций, когда они ехали в медицинском микроавтобусе. Йорек уверял, что может сидеть, но римский доктор настоял, чтоб прелата перевозили в лежачем состоянии.

– Да, – Эрсилья заметил, что Йорек не назвал сан доньи Исабель, но решил не цепляться.

– Кажется, я вас уже видел.

– На пресс-конференции. Я также должен был сопровождать донью Исабель на встречу с вами, но, к сожалению, она не состоялась.

Желто-карие глаза Йорека взглянули на него пристально (теперь в них можно было смотреть без опасения). Похоже, Эрсилья все же допустил бестактность. Не стоило напоминать Йореку о его болезни.

Он не может помнить, как рычал и рвал зубами человеческое горло. Обе души двоедушника не сообщаются между собой, так уверяют справочники. Впрочем, медик сказал бы, что босоркун – это всего лишь человек, страдающий раздвоением личности, и старые славянские суеверия – это дилетантские попытки описать эту болезнь.

Неважно. Важно, сохранила ли его человеческая душа воспоминания о похищении. Или это показалось ему болезненным бредом? Он о многом мог бы поведать Андресу, ибо викарию часть истории осталась неизвестна. Но сам он не скажет, а Эрсилья не спросит.

– И зачем вы собирались со мной встретиться?

– Например, поговорить о творчестве Кохановского. Но случай так и не представился.

– Ничего, – спокойно произнес Йорек, – может, еще представится. Лет через десять. Или двадцать. Когда вас назначат посланником в Ватикан.

Донья Исабель еще была на совещании в матриархате. И Андрес после возвращения из аэропорта встретился со Шкик в небольшом кафе, одном из многих, где обедали чиновники и священники Арауканы. Он хотел еще раз выслушать историю спасения преподобного Йорека, и, как в прошлый раз, ему показалось, что лхамана о чем-то недоговаривает. Ничего не поделаешь, есть вещи, о которых шаман, даже если это друг, не скажет никогда. Это как тайна исповеди.

– Интересно бы знать, какое объяснение нашла произошедшему имперская безопасность, – сказал он.

– Пусть думают, что хотят. Мы свое дело сделали. Надеюсь, что так или иначе полиция или имперская безопасность выйдут на «Никах». Теперь, когда Тамасул их больше не прикрывает…

Когда стало известно, что Йорек пришел в себя, Эрсилья не замедлил спросить у Шкик, что произошло с шаманом Шибальбы. Получил ответ: «Мне сообщили, что у него инсульт» – и уточнять подробности не стал.

– Из твоих намеков я догадался, что Тамасул хотел развязать войну между империей и Европой. Или между старой церковью или церковью Откровения. В принципе его можно понять. Мы, то есть испанцы, пришли сюда как завоеватели. И конечно, многие хотели бы это исправить…

– Ты прав больше, чем полагаешь. Однако ошибки не стоит исправлять другими ошибками.

– Но ведь это все равно было невозможно, верно? Времена изменились, один человек начать войну не в силах.

Шкик кивает. Сказать вроде бы больше нечего. Они заказывают еще одну калебасу и тянут свой мате в задумчивости. Никто не обращает на них внимания. Священник и шаман за одним столом – в Араукане картина не такая уж редкая.

Эрсилья думает – а если бы это было возможно? Не случайно же донья Исабель была так обеспокоена. Общественное мнение было бы подготовлено к войне… а мы, самое могущественное государство в Западном полушарии, может быть, и в мире… мне уже приходилось размышлять об этом до инцидента с Йореком… а потом мог бы последовать еще инцидент, и еще… Сколько можно накапливать могущество, пока оно не стало бременем?

Шкик думает: все зависит от нескольких обстоятельств. Степени решимости и фактора случайности. Тогда можно и начать войну, и прекратить. Могли бы мапуче выиграть войну с испанцами, если б не вмешательство шаманов? В принципе могли бы. Они были отважны и упорны, и Испанское королевство истощало само себя, ведя войну в колониях и Европе. Со временем провинции отпали бы, мапуче получили бы автономию, а то и полную независимость… правда, на это ушли бы десятилетия, а может, и века. Но один человек решил вмешаться… и замешать в это других… исключительно ради блага народа. Дать ему не победу, а власть. И ведь он мог преуспеть, духовенство восприняло приказ из мира сновидений как откровение свыше… только не было учтено, что этот приказ неправильно истолкуют. Что речь шла не о праве священства для женщин, а о передаче духовной власти индейцам?

И что в результате? Шаманская атака, которая должна была погубить империю, ее укрепила. Реформа церкви привела к определенной самоизоляции Испании и ее колоний от других государств, ранней отмене рабства, признанию свободы совести, развитию научно-технического прогресса… и мы имеем то, что имеем.

Но признать, что государство со всеми его принципами и свободами, существует в результате ошибки? Неверного толкования сна?

Неизвестно, для кого это будет хуже – для верных католиков Откровения, искренне преданных этим принципам и свободам, вроде Андреса, или для тех, кто следует пути шамана? Может, потому в шаманских родах предпочитают не упоминать о Тепепуле и Киспигуанче. Даже в тех, кто воспринимает нынешнее положение вещей как благо для исконных жителей континента. Потому что получать благо по ошибке – обидно.

Настолько обидно, что иные готовы конец света предпочесть. «Лик земли потемнел, и начал падать черный дождь; ливень днем и ливень ночью». Да, это о конце света. Но то, что Тамасул воспринял как пророчество, в священных книгах народа – рассказ об очередной гибели в прошлом очередного человечества.

Кто его знает, не вмешались ли тогда очередные доброхоты.

Если бы шаманы вместе с Киспигуанчей не изменили ход событий, Каталина Эраусо, она же Алонсо Диас, осталась бы в истории в качестве очередной более-менее удачливой авантюристки… или, скорее, авантюриста. Но в измененном мире эта личность пришлась как нельзя более кстати.

А чтобы мир остался неизменным, нужна полная противоположность Диасу – Каталине. Зеркальное отражение.

Но разве отражения не повторяют друг друга? И как такое может быть?

Xaqui naual, xaqui puz xbanatahvi, – думает Шкик.

Примечания автора:

Воспоминания Каталины де Эраусо цитируются в основном по переводу Е. Ю. Лыковой.

Цитаты из книги «Пополь-Вух» даны по переводу Р. И. Кинжалова.

В повести упомянуты два разных персонажа по фамилии Лойола: генерал-губернатор Чили Гарсия Оньос де Лойола (племянник основателя ордена иезуитов; убит в 1599 году) и Франсиско Лойола – это имя приняла Каталина де Эраусо после бегства из монастыря (на «Алонсо Диас» она сменила его приблизительно в 1603 году).

Относительно пиршественной чаши из черепа – преувеличение; сообщалось, что арауканы сделали чашу из шлема Лойолы, а череп его сохраняли как трофей.

Мапче – шаман, калку – колдун (мапу – дунгун).

Вячеслав Дыкин, Далия Трускиновская
РЕПУТАЦИЯ

Вы слыхали, как орет кэп Митрич?

Ваше счастье, если не слыхали.

Если на регату свалился мертвый штиль, и яхты стоят впритирку, и никто уже не понимает, как маневрировать, когда возникнет хотя бы намек на ветерок, кэп Митрич выходит на палубу, встает на какое-то тайное место, набирает воздух в грудь, руки стискивает перед собой, как оперная певица на правительственном концерте, набирает воздух в грудь, каменеет на полминуты, а потом орет на спинакер:

– А ну, сукиного сына вонючее охвостье, пошел, пошел, ПОШЕЛ!!!

Спинакер вздрагивает – и яхта двигается с места.

Говорят, он такое проделывал не меньше пяти раз.

Я услышал голос Митрича сквозь наушники, которые полагается надевать при спуске с орбитальной станции на грунт. Он прибыл раньше нас с Меркелем и уже показывал, кто на бетонке главный.

Бетонка – это, как я понял, не от хорошей жизни. Большую часть поверхности Второй-Гамма-Оленя занимает океан, а меньшую – острова разной величины, выстроенные здешними коралловыми червями. Но строили их безмозглые черви полмиллиона здешних лет назад и занимались своим делом под водой. Потом в результате движения литосферных плит эти участки океанического дна поднялись на поверхность. Острова с виду были замечательные, высокие и живописные, потому что скалистые берега поросли разноцветными лишайниками. Но внутри они были очень хрупкие, для посадки космоботов и грузовых транспортов пришлось выстроить искусственный остров площадью примерно в шесть квадратных километров, плоский и серый. Название ему дать не удосужились, так что – бетонка.

Так вот, я услышал этот нежный голосок, когда до бетонки оставалось еще метров сто, и сквозь наушники. Ну, не сто, но полсотни – точно.

– Меркель! – орал кэп, запрокинув голову. – Собака бешеная! Ты очки привез?!

Когда Митрича позвали в очередную регату, он собрал нас в каком-то хитром отсеке портала Министерства обороны Коммерческого союза. Там было четыре степени защиты, один другого круче, и каждое наше слово, прежде чем прозвучать, проходило через искажающие фильтры. Нам нужно было распределить обязанности и обсудить технические вопросы. В частности, мы брали на пробу очки, десяток опытных образцов из лабораторий министерства, с композитными стеклами и особо хитрой оправой, имеющей электронную начинку не хуже, чем у наручного коммуникатора. Министерство потому и оплачивало наше участие в регате на паях с заводами Брауна и концерном «Медиастар», что хотело провести испытания своей техники в условиях, приближенных к боевым.

А где условия лучше, чем на Второй-Гамма-Оленя? Особенно во время сезонных штормов, когда идут один за другим совершенно фантастические циклоны. Дело в том, что у планеты два спутника, и регулярно возникает ситуация, когда один тянет за собой громадную приливную волну, а другой затмевает собой светило, эту самую Гамму Оленя. Вот тогда температура вдруг понижается, зарождаются циклоны, по океану ходят волны высотой с десятиэтажный дом, и вся обстановочка – не просто на любителя, а на очень выносливого любителя, и привыкшие к ней колонисты заводят свои скутеры в гавани, сами же прячутся в нарочно вырытых пещерах.

Вот почему тут уже восьмой раз устраивают регату, которая, в сущности, соревнование уже не яхт и экипажей, а технологий. Но и от экипажа много зависит.

Так вот, кэп Митрич, ходивший в кругосветку даже на старушке Земле-Первой, знал поименно все полторы тысячи парней, участвовавших в гонках высокого класса за последние двадцать лет. Он отобрал нас, просеивая через сито с очень крупными дырками: песок улетел, остались одни нераненые бриллианты, вроде нас с Меркелем. Но была в судовой роли должность, вызывавшая у кэпа скрежет зубовный.

Лига равноправия, которая всем нам надоела до полусмерти, добилась того, что в каждый экипаж должна быть включена женщина. Пусть одна – но чтоб была! Собственно, и раньше их брали – на камбуз, открывать жестянки с консервами и полоскать в забортной воде тарелки. Но сейчас они попадали на яхты в принудительном порядке, и это было отвратительно.

– Выберу самую старую и гнусную обезьяну, – пообещал Митрич с самого начала.

Мы все ждали, когда же появится обезьяна. Все четыре дня, что мы провели в крытом доке, доводя до ума нашу «Аркону», язвили на эту тему. Насколько я знал кэпа, с него бы сталось выбрать судового кока по ролику на сайте знакомств. Он многое выделывал в знак протеста. С другой стороны, не все ли равно, кто гремит жестянками на камбузе? Во время регаты не до эротики.

Мы питались в ресторане. На бетонке своего ресторана, конечно, не было, но раз в год по случаю регаты туда высаживался целый кулинарный десант. А почему бы нет? Четыре десятка лодок, под три сотни яхтсменов, плюс обслуга, плюс пресса, все эти телекомпании и видеопорталы, плюс походный госпиталь, без которого тоже нельзя, потому что прилетают все ветераны, случайно оказавшиеся в радиусе ста световых лет, будь они неладны! Они лезут в доки со своими доисторическими советами, сидят на пирсах с пивом и галдят, как стая бешеных ворон, а потом валятся с инфарктами и инсультами.

К нам подошло… ну, сперва мы это приняли за низкорослого безбородого, плотного парня.

– Капитан Митрич?

– Я самый.

– Поскольку вы не выбрали себе кока, организационная комиссия прислала меня. Я ваша поварешка.

– Очень приятно… – пробормотал кэп, разглядывая наше новое приобретение. – А что? Случалось мне видеть теток и пострашнее. Как тебя звать?

– Химена.

– Ходила на чем-нибудь покруче надувного матраса?

– Я здешняя. Вожу скутер, ходила через Северное море на плотах.

– Поварешкой?

– Поварешкой.

– Ну, ладно. Голову покажи.

Химена послушно нагнулась, и Митрич изучил ее короткую, чуть ли не под корень, стрижку.

– Живности нет, – доложил он. – Сойдет. Знаешь, где стоит «Аркона»? Загружайся.

Она преспокойно ушла.

– Очень хорошо, – сказал Меркель. – Мой организм сообщает, что госпожа Химена ему без надобности.

– И мой, – добавил наш штурман-электронщик Бруно.

Мы все согласились, что приобретение качественное – никто не попытается в самую решительную минуту гонки зажать его на камбузе.

Химена, бросив в каюте сумки с вещами, отправилась на склад – получать провиант, с кем-то там сцепилась, кэпа нашли по радиосвязи и сказали:

– Отзовите своего крокодила, а то мы за себя не ручаемся.

– О чем хай? – вежливо спросил кэп.

– Отказалась брать консервированную говядину, потому что…

– Говядина бэррисоновская?

– Да, но Бэррисон – генеральный поставщик…

– Сейчас у вас вместо одного крокодила появится десять, которые не желают во время гонки жрать дерьмо! – заорал в микрофон Митрич. По-моему, на складе его услышали без всякой рации.

Химена вернулась с победой – за ней тащился робо-погрузчик с провиантом, в том числе с маленькими хорошенькими баночками местной говядины. На островах Даннанской гряды выращивают экологически идеальную скотину.

– Уложилась в смету? – спросил кэп.

– Консервы дороговаты, но я потратила на них алкогольные деньги.

– Что???

Мы в гонке не пьем, но спиртное на бурту должно быть. Должно – и точка. Если во время регаты выкидывают красные зонды, гонка прекращается, и все отсиживаются в бухтах. Не очень-то походишь сквозь длинную волну высотой с восьмиэтажный дом. Вот тогда очень полезно сидеть в каюте и расслабляться, пока не выкинут бело-черные зонды.

– Моя задача – кормить вас, а не поить.

Я думал – кэп ее в воду скинет. Но он каким-то чудом удержался. Только вдруг стал похож на гранитного болвана из марсианского парка скульптур.

– Пили, пьем и будем пить, – вместо него ответил Бруно. – Если объявят перерыв больше суток – сухие ходить не станем.

– Мое дело – чтобы вы ходили сытые. Остальное меня не касается. Поставьте сходни для погрузчика.

И, соскочив на борт с причала, пошла на камбуз.

На старте мы не проспали, удачно ушли в отрыв.

Ветер уже набирал силу штормового, поэтому, чтобы понапрасну не вертеться, как плевок на сковородке, вдоль стартовой линии, мы заложили пару длинных галсов вдоль, определили для себя варианты удачных мест для старта и с этим покинули стартовую зону, предпочитая контролировать всю эту сутолоку со стороны. Свою же позицию тщательно отслеживали, чтобы в нужный момент лечь курсом на стартовую линию и в зависимости от ситуации пересечь ее, не теряя время на ненужную борьбу. Что в общем-то и удалось.

Пока основная масса участников выясняла отношения у наветренного знака, мы относительно спокойно, ходом пересекли стартовую линию приблизительно посередине. Расчет оправдался. Связанные маневрированием соперники еще некоторое время не могли развить полную скорость, поскольку постоянно вели интенсивную борьбу и накрывали друг другу ветер. Мы же, получив преимущество в скорости и маневре, буквально выстрелили и, имея чистый ветер, возглавили флот.

Дальше по маршруту было любопытное место – высокие острова невероятной формы, с множеством мысов и бухточек, а между ними проливы. Мы могли просто обойти острова – и, если бы мы не вырвались вперед, так бы и сделали. Но когда начался настоящий шторм, мы уже были в створе пролива, обозначенного на карте как «проход Альберта». Он больше всего был похож на ту синусоиду, по которой пьяный матрос утром возвращается на судно.

– Мы одним камнем убьем двух зайцев, – сказал Митрич. – Между островами укроемся от шквалов и чрезмерного волнения и будем продвигаться вперед. А когда выйдем из этого Альбертова заднего прохода, то окажется, что мы – лидеры до конца гонки. Кто отстал – отстал навсегда.

– Ты когда-нибудь ходил тут? – спросил Ян Яссон, наш рулевой.

– Нет. Но пройду. Тем более что нас в этот проход уже тащит.

Какой-то здешний подводный черт действительно пихал «Аркону» к створу. Порывы ветра были все сильнее, и погода с природой просто не оставили нам выбора.

Химена, как ей и полагалось, была на камбузе. Мы по очереди спускались туда поесть. Она спрашивала, как обстановка, мы отвечали. Когда мы прошли метров пятьсот, очень удивляясь, как могла возникнуть такая узкая и извилистая щель между двумя скалистыми, высотой не меньше двухсот метров, берегами, Химена вышла на палубу. Она была в таком же малиновом комбезе, как у всей команды.

– Не беспокойся, мы отвернемся, – сказал Меркель. Он подумал, что наша поварешка хочет, как мы, справить нужду за борт. При малой волне это даже полезно – заодно тебя и подмоет.

– Нет, я хочу знать, зачем мы тут.

– Не твое дело, – отрубил кэп.

– Зря вы это сделали.

– Погоди, Митрич, она же здешняя! – воскликнул Меркель. – Почему – зря?

– Потому что тут – аэродинамическая труба. Когда в открытом море ветер – три балла, тут могут быть все пять и даже восемь.

– Врешь.

– Не вру.

– А почему?

– Ну, как вам объяснить…

Она задумалась, а ровно через четверть минуты мы поняли – поварешка права.

Свистело и выло – всё. Взятые на закрутку паруса, леера, шкоты. Анемометр зашкалило! Хоть паруса и были убраны на закрутки, остающейся парусности хватало для развития невообразимой скорости, но в этом-то и была проблема.

Сильнейший ветер и приливное течение сковали яхту в управлении, оставив только возможность удерживать курс, но никак не поменять. И несло нас прямо на скалы. Перспектива нерадостная, если подумать про отвесность и высоту берега, про буквально кипящую воду у прибрежных камней. В такой ситуации – черт с ней, с гонкой. Втемяшиться бы как-то между пары-другой камней, композитный корпус выдержит, а там уже заниматься борьбой за живучесть, по крайней мере по палубе не будут лететь сбивающие с ног потоки воды.

– Попали – так попали! – прокричал Митрич.

На камни так на камни, подумал я. Обидно – а что делать? Ян Яссон врос ногами в палубу, руками в штурвал, и теперь только от его опыта и чутья зависело – будет ли удачной попытка выброситься на камни и получить шанс на спасение.

В такой переделке «Аркона» еще не бывала – скорость бешенная, потоки воды по палубе – мне по пояс. Впереди пара подходящих камней, между которыми можно вклинить корпус…

Тут-то нас и настигла приливная волна. Яхту подняло над камнями и швырнуло вперед. Мы заорали, поминая всех чертей и их анатомию на пяти языках.

Как-то сразу стало сумрачно, пропали волна и ветер. Небо тоже пропало. Яхта шла по гладкой воде в непонятную темень.

– Что это? – спросил Бруно, глядя вверх. – Куда мы влетели?

– Неприятная штука. Под многими островами такие дырки. Некоторые безопасные, – неохотно ответила Химена.

– Она что же – шириной как весь остров?

– Почти.

Мы включили ночные фонари и увидели себя на краю огромного озера, над которым было с сотню метров воздуха до незримого потолка пещеры.

– Чем-то тут воняет, – сказал Бруно. – И очень мне эта вонь не нравится. Пойду разберусь…

Штурман-электронщик идет в регату с кучей всякого непромокаемого железа. Кроме штатных «ясушных» раций величиной с горошину, которые вставляются в оправу очков, у него еще собственные, водоплавающие, и спасательный плот укомплектован, как вычислительный центр Космической академии на Земле-Третьей. Бруно полез вниз, а «Аркона» продолжала двигаться вперед – ее тащило течение.

Мы стояли на палубе в большом недоумении – как-то нужно было отсюда выбираться. Но никто ни о чем не спрашивал Митрича, хотя именно по его приказу мы вошли в Альбертов проход. Последнее дело – задавать дурацкие вопросы. Экипаж мы – или богадельня для престарелых проституток?

– По-моему, это берег, – сказал наконец кэп, глядя на темную линию, окаймлявшую озеро. – Нужно ошвартоваться, и Меркель пойдет берегом обратно. Чтобы понять, через какую щель мы сюда протиснулись. Может быть, удастся вывести «Аркону»…

Мы поняли, что он имеет в виду.

В такой ситуации можно, конечно, воспользоваться и двигателем, но запущенный двигатель автоматически означал выход из регаты, мы все еще были живы, здоровы и продолжали участвовать в гонке. Положение еще не было настолько форс-мажорным, чтобы воспользоваться двигателем и позже это объяснять судейской коллегии. Оставался только один вариант – высадить десант на берег и на длинном тросе провести яхту вдоль него до выхода из пещеры. Или подтянуться на лебедках на заякоренном тросе…

Мы включили прожектор и стали искать подходящий кусочек берега. Озеро под островом было не менее хитрой конфигурации, чем сам остров, и кое-где вдоль поднимавшейся вверх стены имелась полоска шириной в десяток шагов, а в иных местах ее вовсе не было. Нам требовалось место, откуда Меркель мог бы без особого риска подойти к арке, под которой мы пролетели, и выбраться в проход, остальное – дело техники. Главное – найти, где закрепить трос.

Запах в этой пещере стоял – гаже некуда.

– Я сейчас от этой вонищи грохнусь, – сказал Ян. – Во, во, глядите…

Над водой взбух пузырь, покачался на мелких волнах и лопнул.

Все повернулись к Химене.

– Что это за дрянь? – спросил кэп.

– Донный газ. По-научному – сернистый газ, но к нему еще какой-то дряни подмешано. Как вы думаете, почему здесь пещер под островами так много, а гаваней в них так мало? – вопросом ответила Химена. Ответа не требовалось.

Из люка высунулся Бруно.

– Правильно, сернистый газ, – подтвердил он. – Я на транспорте служил, нанюхался, им боксы, в которых фрукты перевозят, окуривали, чтобы гниль не завелась. Там, внизу, трещины, из них он и выходит. Все дно в пузырях, вот…

Он показал экран коммуникатора. Там сменялись картинки с безжизненным пейзажем этого самого дна.

Химена, тихо выругавшись, надела висевшие на шее очки.

– Мы влипли, – сказал я.

Но виновника, конечно, не назвал.

Еще один пузырь появился над водой. Он покачивался совсем рядом с кормой «Арконы», и мы хорошо видели, как в свете прожектора на нем переливается радужная пленка.

– Дьявол, сейчас он лопнет… – прошептал Ян.

И пузырь лопнул.

Наверное, когда я за грехи свои попаду в ад, там будет так же вонять горящей серой.

Ян схватился рукой за горло и упал на колени. Такого кашля я отродясь не слышал – и надеюсь, что больше не услышу. А у кэпа, сдуру сдвинувшего на лоб очки, от вони потекли из глаз крупные слезы.

– Надень очки, болван! – закричал Меркель. – Химена, где аптечка? Нужно сделать хотя бы мокрые повязки!

– Не вижу! Ни хрена не вижу! – ответил Митрич. – Жжет! Я ослеп!

Химена не ответила. Она молча смотрела на бурую воду. Не иначе, ждала очередного пузыря.

И тут «Аркону» сильно качнуло.

– Нагонная волна! – сообразил Бруно. – Смотрите! Она тащит нас!..

Яхту действительно протащило ближе к середине подземного озера.

– Черт, черт, черт! – выкрикивал Митрич, держась за леера. Он был уже в очках, да что проку?

– Что это значит? – спросила сама себя Химена.

– Так, парни. Я за вас отвечаю! Черт, где вы все? Пробиваемся назад! Это – приказ! – распорядился Митрич. – Кто-нибудь, дайте руку!

– Мы не успеем, – возразила Химена. – Смотрите! Это волна прошла низом, вот что наделала…

Мы увидели поблизости от яхты, справа по борту, еще три пузыря.

– Убирайся на камбуз! – прикрикнул на женщину Митрич. – Поварешка мне еще советов не давала! Ганс, врубай мотор.

– Есть, кэп, – ответил я. Моя должность в экипаже – матрос-механик.

– Быстро разворачиваемся и ищем ту проклятую дыру! Пусть даже обдерем скулы…

– Эх… – сказал Бруно.

Такое «эх» в переводе не нуждается – накрылась наша победа в регате медным тазом. Позор – на всю галактику… Да и просто обидно – ведь шли первыми…

Так вышло, что я в этот миг смотрел на Химену. Не потому, что красавица, – просто так стоял и видел ее лицо. Видел, как сошлись брови. Очень нехорошо сошлись.

Сказал, значит, Бруно «эх», а наша поварешка услышала.

С одной стороны, ее дело – миски мыть и молчать, а с другой – она ведь здешняя.

– Если включить мотор, мы расшевелим винтом всю дрянь на дне хуже всякой нагонной волны, – возразила Митричу Химена. – Это можно делать, только если перед нами открытый выход и шанс вылететь, как пуля из ствола. Иначе мы тут сдохнем.

– Значит, нужно выходить пешком, – решил Бруно. – Кэп, нам просто не повезло. Как ты сказал, мы оставим тут «Аркону», на плотике доберемся до береговой полоски, выйдем в проход и сообщим начальству, чтобы нас отсюда…

– Нет!

Это был голос Химены.

Сказать, что мы обалдели, – значит вообще ничего не сказать.

– Дура, да мы же тут подохнем! – вдруг заголосил Меркель. – Ничего себе регата! Оставайся, если хочешь, а я…

– Сам дурак, – попросту ответила Химена. – Ян, пусти-ка…

– Ты еще здесь? Куда полезла?! – возмутился Митрич.

– К рулю. Кэп, не рычи, у меня диплом капитана.

– Какого еще капитана?!

Митрич много чего добавил бы, но случайно проскочившая в пещеру волна, пришедшая из той проклятой дырки, чуть не скинула его за борт.

– Двухгодичные курсы в Нью-Бристоле, кэп, – невозмутимо доложила Химена. – И на руле я сидела. Где-то там должен быть выход в открытое море.

И показала рукой.

– Должен?!

– Да. Я в таких пещерах бывала. Ты же видишь – течение… И против волны мы не сможем… В общем, пусти, или…

– Или – что?

– Или мы тут задохнемся, старый кретин!

– Кэп, она здешняя, она лучше знает! – завопил перепуганный Меркель. Я еще никогда не видел, чтобы мужчина весом в сто пять кило так паниковал.

Два пузыря лопнули совсем рядом.

Волны и течение тащили «Аркону» куда-то в темноту, да еще разворачивали боком.

Нужно было решать, нужно было сделать выбор – Митрич, прости собаку бешеную, но я его сделал…

– Кэп, я врубаю мотор?! – крикнул я.

– Врубай, живо! – ответил Митрич.

Дальше было сущее безумие.

Ругаясь, хрипя, кашляя, задыхаясь, теряя последние силы, мы пересекали подземное озеро. За кормой лопались проклятые пузыри. Меня от вони вывернуло наизнанку – прямо на палубу. Ян выкрикивал что-то бессвязное. Счет уже шел на секунды.

Химена правила, глядя на экран, куда шла картинка с камеры на клотике. Меркель с прожектором вылез чуть ли не на форштевень.

– Вот, вот! – орал он. – Стой! Камень!

Бруно вытащил из своей кучи сокровищ ручной радар и пытался просканировать ту щель, куда нас тащили волны и пробивались мы сами на моторе.

Вдруг впереди, в черной стене, разверзлась голубая щель. И минуту спустя мы, полудохлые, но почти довольные, вылетели в открытое море.

Никогда еще меня так не радовали шквалистый ветер и пятиметровые волны!

– Ян, очухался? Иди сюда, – позвала Химена. – Порядок, парни, регата продолжается. Приз будет наш.

– Регата продолжается! – повторил Меркель, и тут до нас дошло.

Эта туземная ведьма не хотела, чтобы «Аркона» сошла с дистанции.

Но разбираться с ней было некогда – следовало определиться и узнать, куда подевались конкуренты.

Три дня мы шли, как заведенные, некогда было опростаться. Химена сидела на камбузе и молчала. Только каждые два часа меняла кэпу повязку на глазах и ставила уколы. Она связалась с медицинской службой и действовала по указаниям врачей. С вертолета нам спустили контейнер с лекарствами для кэпа, который наотрез отказался покидать «Аркону». Время от времени он на ощупь лез на палубу, торчал из люка и подбадривал нас своей фантастической руганью. Однажды мы в трудную минуту поставили его крутить «кофемолку».

В конце концов весь этот кошмар закончился. В крепкий шквал, под зарифленными наглухо парусами, мы влетели в молы. Финиш принимали с маяка и о времени сообщили по рации. Теперь можно было убрать оставшиеся паруса, под голым рангоутом продвинуться в глубь гавани и под прикрытием берега пришвартоваться в порту. По дороге подошел катер береговой охраны и сопроводил до причала.

Кэпа мы свели на берег под руки. На глазах у него была повязка.

Вся эта телевизионная братия словно рехнулась: чудо, слепой кэп привел «Аркону» к победе! Они не понимали, что просто каждый из нас на своем месте делал все возможное.

И я всей шкурой чувствовал каждое движение Яна, и Бруно, и Меркеля… Но это для них было слишком незначительно, им слепого капитана подавай.

О моторе все же пришлось сказать, и судейская коллегия чуть не передралась – имели мы право, чудом уцелев, продолжать гонку или должны были сойти с дистанции. Ситуация получалась нештатная – правила не учитывали таких смертельных форс-мажоров.

Решения коллегии мы ждали на пирсе, где была ошвартована «Аркона». Наша поварешка, собрав свое имущество, спустилась к нам с сумками.

– Зловредная ты все-таки тетка, – сказал Бруно. – Ты же, дубина стоеросовая, чуть нас всех не погубила. Вот тебе-то зачем нужно было, чтобы «Аркона» пришла первой? А если они договорятся не давать нам приз? Да и то – тебе с приза только шесть тысяч причитается. Ты же у нас – случайный человек. В чем смысл?

– Ты ради шести тысяч чуть нас на тот свет не отправила, – упрекнул Ян. – Мы ведь все-таки могли уйти берегом и вытащить «Аркону». Пузыри-то всплывали посередке, и газ уходил вверх, а у берега – мелководье. Откуда там взяться пузырям?

– Тут дело не в победе, а во мне. Черт с ней, с победой. Мне была нужна репутация, – ответила Химена. – Всего лишь репутация. Деньги будут потом.

– На что она тебе? – спросил кэп Митрич.

– Понимаешь, кэп, я ведь здешняя. Я из Альварадо.

Это слово кэпу ничего не говорило.

– Острова Калатравы знаешь? Ну вот, оттуда. Альварадо – город, четыре тысячи жителей, – объяснила Химена. – Нам деньги нужны. Тут больших денег не бывает. Геологи ищут чего-то на дне, но пока еще найдут. А деньги уже сейчас нужны. Вот я и сделала ставку на регату. Если у меня будет репутация – то возьмут в любой экипаж, не только в женский. И не поварешкой – рулевым. В женском мне делать нечего. А в хорошем экипаже можно рассчитывать на призовое место. Нам оборудование для больницы нужно, мы гостиницу строим, ждем партию новеньких – не меньше ста человек. Считай, что это мой способ заработать хорошие деньги для своих, кэп.

– Тебя все равно не возьмут капитаном. Можешь свой диплом засунуть… то есть повесить на стенку, – ответил Митрич. И мы чуть не шлепнулись задами на пирс от его галантности.

– Когда-нибудь возьмут – если узнают, кто вывел «Аркону» из пещеры… – Она помолчала, усмехнулась и обвела нас таким взглядом, что Меркель, старый морской волчара, покраснел. – Ты не расстраивайся, кэп, если бы нас не занесло в пещеру – я бы что-нибудь другое придумала. Такого у нас на островах еще не было – чтобы на моторе в эту щель… Ты просто не знаешь, сколько мертвых экипажей осталось в пещерах, кэп. Возьмут, куда денутся, если у меня будет громкое имя. Или я подготовлю настоящий женский экипаж – не такой, как на «Орхидее». Мы еще погоняемся, кэп. Спасибо за науку.

И она ушла.

Ее ждал скутер – такие скутеры завозят сюда десятками, потому что в сезон штормов только на них и можно добраться с острова на остров, они ведь ныряют и могут идти под водой по меньшей мере полчаса.

– Имя у нее будет, – не сказал, не прошептал, а скорее уж, прошипел Митрич. – Имя ей подавай! Душить в колыбели таких Химен!..

Он дулся и ворчал вплоть до той минуты, когда нас усадили в съемочной камере и включили технику. Вопросов задали множество – как всегда задают экипажу-победителю. В том числе и об Альбертовом проходе. И о пещере. И о нашем спасении.

Мы все гадали – скажет ли кэп правду.

Он сказал.

Владислав Русанов
ДВОЙНАЯ ИГРА

Из придорожных кустов вышли четверо. По двое – справа и слева. Колесница Громодержца недавно скрылась за небокраем, но и в зеленоватом свете Старшей Сестры, похожей на круг подцветшего сыра, Виллим отлично видел арбалет, направленный ему в пупок.

– Держи руки на виду и не дергайся! – приказал главарь, пришепетывая.

От подельников его отличали не только отсутствие передних зубов, но и клепаный шлем со стрелкой-переносьем. Прочие обходились войлочными подшлемниками.

Виллим медленно развел руки в стороны. Ладонями вперед. Он хотел верить, что пальцы не дрожат. Ну, хоть не так, как поджилки.

– Отпустили б вы меня, добрые люди.

Как жалко звучал сейчас его голос. Голос, которым он по праву гордился.

– Заткнись, – оборвал его главарь.

Приблизился, поправил плащ, скрыв поблескивавшую бляху на груди.

– На что я вам? Одежка худая, денег нет почти… Только цитра. Так вам она без надо…

– Заткни пасть, я сказал!

Хлесткий удар заставил Виллима согнуться, пряча в ладонях разбитые губы.

– Лапы!

От жестокого тычка под дых воздух в груди мгновенно превратился в огненное алхимическое зелье, но руки пришлось опустить.

– Не нужно нам ни твое шмотье, ни твои медяки, – процедил шепелявый.

Стоящий по правую руку от него крепыш, бровь которого удивленно приподнималась от перечеркнувшего ее шрама, басовито хохотнул.

И тут Виллим понял, почему люди, принятые им по первости за обычных разбойников, не прятали лиц. Они не собирались его грабить. Они хотели его убить.

«Бежать, – молнией пронеслось в голове. – Шепелявого по морде и в кусты…»

– И не вздумай. Болт догонит, – словно прочитал его мысли убийца.

Молодой человек затравленно огляделся вокруг. Нет, он не был принцессой из сказки. И храбрый герой в кованом нагруднике с каленым копьем в руке не примчит к нему на помощь на рыжем коне.

– Что, поняла кошка, чье мясо съела? – Главарь сопел застарелым перегаром уже над самым ухом. – Тише жить надо, сопляк. Дольше проживешь. Ты не дергайся, нам еще поболтать надо. Больше расскажешь – оттянешь смерть. Ненадолго, но оттянешь.

Меченый опять хохотнул. Гулко, как в пустой бочонок.

– О… о… о чем рассказать? – язык с трудом повиновался Виллиму.

– Обо всем, о чем спрошу, говорливый ты мой. Только сперва Зыркун тебе пальчики попереломает…

Внезапный шорох в кустах заставил всех, и Виллима, повернуться. Медленно, будто в кошмарном сне, позади арбалетчика соткалась из лесной темени крылатая тень. Крыло гигантского нетопыря лишь слегка коснулось незадачливого стрелка, но этого хватило, чтобы человек рухнул ничком в папоротник, не издав ни звука. Болт с мерзким чавканьем глубоко ушел в мягкую землю.

Виллим, словно заяц, бросился было наутек, но врезавшийся в крестец тяжелый сапог шепелявого бросил его на дорогу. Прижимая к груди драгоценную цитру, молодой человек ударился локтями так, что из глаз брызнули слезы. Сквозь их мутную завесу он с трудом разглядел, как черный нетопырь превратился в человека. Точнее, в тоненькую девушку, которая чудно присела на одну ногу, сжимая в руках дорожный посох.

Коротко кивнув Зыркуну на Виллима – смори, мол, у меня, – главарь двинулся навстречу незнакомке. Клинок, словно по волшебству появившийся в его руке, плясал, как жало ехидны. Третий убийца выхватил из-под плаща два кистеня и пошел полукругом, отрезая девушке путь к отступлению.

– Ты встряла не в свое дело, сестричка, – медленно, выплевывая каждое слово, произнес шепелявый. – Ты сдохнешь вместе с ним.

Девушка промолчала, говорил пристальный взгляд, обращенный к убийцам: «Это вряд ли…»

Коснувшись уложенной вокруг головы косы, она вдруг стукнула посохом о землю и будто взлетела, раскручиваясь, как юла. Выпад предводителя убийц пропал втуне, а вот кончик взметнувшейся косы слегка чиркнул по его виску. Шепелявый еще не коснулся земли, а острие посоха уже с хрустом врезалось в кадык Зыркуна. И снова прыжок. Взмах посоха и треск ломаемых позвонков.

Три тела рухнули одно за другим. Воцарилась тишина, нарушаемая только хриплым дыханием Виллима.

– Так и будешь лежать? – Девушка оборачивала косу вокруг головы и лукаво щурилась. – Не притворяйся – я все видела. Ты успел получить под зад, а от этого никто еще не умер.

Виллим с трудом поднялся. Это было нелегко, но еще труднее было устоять на трясущихся ногах.

– Спасибо, – проговорил он, как только обрел вновь дар речи.

– Сочтемся, – беззаботно откликнулась незнакомка.

– Ты их убила?

– Нет, приспала маленько, – девушка глянула на него, как на загорскую зверушку. – Что это они на тебя взъелись?

– Эх, кабы знал, – сокрушенно покачал головой молодой человек. – Я думал, это простые грабители.

– Наверное, ты редко это делаешь. – Девушка оглядывала неподвижные тела.

– Что «делаешь»?

– Думаешь, конечно же. Иначе сразу узнал бы наемных убийц.

Взгляд ее остановился на бляхе шепелявого.

– Ты знаешь, что это? – спросил Виллим осторожно.

– Дрянная безделушка. – Похоже, чудесная избавительница привыкла решать все вопросы коротко и однозначно. – Меди много, серебра мало. Не стоит и полукроны.

Тем не менее бляха отправилась в ее маленький дорожный мешок.

– В Дар-Кхосис идешь?

Виллим замялся.

– Ну, давай, соври мне, что по этой дороге можно идти в другое место, – улыбнулась девушка, ее серые глаза блеснули.

– Меня зовут Виллим, – ни к селу ни к городу ляпнул молодой человек.

– Стемнело. Скоро взойдет Младшая Сестра. Давай уберемся отсюда и подыщем спокойное местечко для ночлега.

– А тебе тоже в Дар-Кхосис?

– Не задавай глупых вопросов. Здешние края не место для прогулок по ночам.

И, уже отойдя на несколько шагов вперед, бросила через плечо:

– Можешь звать меня Лаской.

Догнав спасительницу и приспосабливаясь под ее уверенный шаг, шаг охотника и воина, Виллим думал:

«Что ни делается, все к лучшему. Не нападай на меня эти ублюдки, может, и не привелось бы встретиться с нею. Имечко чудное. Ласка. Такая приласкает, жди. Посохом по башке. Но с нею как раз надежнее, чем с придворной потаскушкой».

Место для ночевки выбрала Ласка. Она же развела костерок, в свете которого Виллим принялся осматривать корпус и струны цитры. Хвала Хорталу Молниеметателю, все оказалось в целости. Одна-две царапины – не в счет. Его инструмент терпел и большие лишения.

– А скажи-ка мне, знакомец дорожный, – девушка раскладывала на бережно расстеленном плаще нехитрую снедь, – как же ты обходился без огня ночью – кремня-то с огнивом у тебя нет?

Чуть-чуть сморщенный носик ее выражал странную смесь презрения и любопытства.

– Да вот так и обходился, – отозвался Виллим. – Я человек привычный. «Правое крыло на землю постелю, левым – накроюсь». А вообще-то меня Виллимом зовут.

– Ишь ты, сказочник… Больше седьмицы на земле спал, говоришь?

– Не веришь, не надо…

– Ладно, не обижайся, Виллим. Нам с тобой еще два дня вместе топать.

Молодой человек не сумел сдержать довольную улыбку. Все-таки с такой спутницей можно путешествовать и подольше. И безо всякой опаски. Тронув струны цитры, он проверил настройку.

– А ты никак за трувера себя выдаешь? – Ласка поправила русую прядь.

– Что значит «выдаю»? – возмутился Виллим.

– Молод ты еще для подлинного мастерства. Разве что так – подпасок…

– Да что ты знаешь о подлинном мастерстве? Я, если хочешь знать, при дворе самого герцога Ландорского… – Он замолчал, понимая, что сболтнул лишнее.

– Герцога Ландорского, говоришь?

– Ну, герцога или не совсем… Или не при дворе…

– Спой, трувер, – попросила вдруг девушка. – Или при дворе герцога ты тоже только хвастал, какой ты знаменитый?

– Изволь, – Виллим так и не сообразил – смеется над ним Ласка или взаправду хочет, чтобы спел.

Длинные пальцы привычно коснулись струн, и цитра отозвалась вкрадчивым, слегка шелестящим звуком. Виллим прокашлялся, голос его окреп.

– Где ты? В какой дали
Клубок тот путеводный?
Он на краю земли
Или в тиши подводной?

Всю буду жизнь искать,
Хоть тороплюсь я очень.
И не устану ждать
В пустые дни и ночи.
Мелькнет шальным огнем
Час долгожданной встречи,
И станет ярким днем
Дождливый серый вечер…

– Умеешь, трувер… – обронила девушка после недолгого молчания.

– Виллим, – напомнил молодой человек, подсаживаясь поближе.

– Умеешь, Виллим, – вслед повторила она и вдруг спохватилась. – А ну, назад, шустрик! Ишь, герой-любовник выискался.

– И в мыслях не было, – Виллим в мгновение ока оказался на своем месте – слишком ярко в его памяти запечатлелись недвижные тела убийц.

– «И в мыслях не было…» – передразнила Ласка. – Будешь мне теперь рассказывать, будто не знаешь, за что на тебя охотились. Небось баронскую дочку забрюхатил. Или до самой герцогини добрался?

– Теперь глупости говоришь ты, – улыбнулся в мыслях трувер. – Никого я не брюхатил…

Недоверчивый смешок.

– …но если охота так думать – пожалуйста. Думать не возбраняется.

Воцарилась неловкая тишина, лишь потрескивал в костре сухой хворост.

– Все. Хватит полуночничать. Завтра идти и идти, – подвела итог девушка. – Спать. И каждый на своей стороне кострища.

Она принялась забрасывать багровые угли землей.

Виллим проснулся, как от толчка. Открыл глаза. Рассветало. Раскаленная докрасна после еженощного поединка с Подземным Владыкой колесница Хортала упрямо выкарабкивалась на небесный свод. Трувер с хрустом потянулся и встретился глазами с хитрым прищуром серых очей Ласки. Она стояла, улыбаясь чему-то своему, и сматывала на локоть длинный волосяной аркан. На удивленно приподнятую бровь Виллима ответила:

– Старшая Сестра входит в полнолуние. Младшая – в последнюю четверть. Нечисть обнаглела вкрай.

– И чем же спас нас твой аркан? – Виллим, как бы невзначай отвернувшись, поправил на груди под кафтаном небольшой увесистый кошель.

– Ну, чудак! Неужели не знаешь – конский волос нежить и нелюдь держит. Потому как над лошадьми пребывает благодать Матери Коней. Ходят вокруг, ходят. Злятся-ярятся. А сделать ничего не могут.

– Так ты из Айрока? – догадался молодой человек. – Из почитателей Матери Коней!

– Помолчи, – отрезала девушка. – Пора в путь.

– А перекусить? – трувер потянулся к тощему мешку, на дне которого еще оставалось немного вяленой оленины и сухарей.

– На ходу, певец. На ходу. Следующая ночь похлеще будет. И я мечтаю провести ее с крышей над головой.

И она снова, не дожидаясь спутника, двинулась по дороге широким шагом опытного ходока.

Чтобы догнать ее, Виллим припустил бегом. Пристроившись рядом, спросил:

– А почему имя у тебя такое? Ласка должна быть тихой. Сидеть около мамки, прясть, вышивать крестиком и жениха дожидаться. А ты с дубиной по дорогам шастаешь.

Спросил и пожалел. Девушка глянула на него как на блаженного:

– Откуда ты такой выискался? Любопытный.

– Не хочешь – не говори. Я так – для разговора.

– Ты городской, должно быть?

Виллим пожал плечами.

– Да уж наверняка, – продолжала она. – В деревнях да хуторах лесных всяк знает: нет зверя страшнее ласки. В курятник залезет – всем несушкам головы поотгрызет. Лосю в ухо забирается и мозги выедает…

– Змея, что ли, какая?

– Сам ты – змея. Зверек такой. Навроде хорька или горностая, каких в Дар-Кхосисе богатые дамы для забавы держат. Только меньше.

– И что – лося завалить может?

– Сама не видела. Но люди говорят.

Беседа понемногу перешла на крупного – красного – зверя. Потом поговорили про манеры охотиться каллеронских лендлордов, о песнях, которые предпочитают лендлордовы жены… Виллим то и дело перевешивал цитру из-за спины на грудь, подтверждая свое мнение десятком строчек известных певцов древности и дней нынешних.

Дорога то вилась среди раскидистых вязов и буков, то ныряла в заросли боярышника и лещины, а то и вовсе выбегала на открытые прогалины пару тысяч шагов в поперечнике.

Светило близилось к зениту, когда им пришлось укрыться в кустах. По дороге протарахтел десяток груженых повозок, сопровождаемых добротно вооруженной стражей. Виллим заикнулся было, что не худо-де к обозу присоединиться, но один взгляд Ласки отбил у него всю тягу высовываться перед незнакомыми людьми.

Пережидали долго. Девушка шипела и все прикидывала – поспеют к какому-никакому хутору до вечера или не поспеют. По всему выходило – не поспеют. Поэтому хмурила бровь всё сильней, на шутки Виллима не отвечала звонким смехом, а зыркала, как боевой кот. Разговор больше не клеился.

К вечеру небо заволокло тучами. Припустил мелкий, но убористый дождь. Виллим запрятал цитру под плащ и уныло шагал, с трудом поспевая за стремительной, как атака конницы, Лаской. Холодные капли скатывались по волосам и, попадая за ворот, заставляли вздрагивать и ежиться.

Снова место для ночлега, по одной ей видимым приметам, выбрала девушка. На этот раз костра не разводили: хворост и валежник успел изрядно пропитаться влагой. Поэтому, обнаружив дерево, под которым было чуть суше, чем вокруг, Ласка окружила ствол веревкой из конского волоса и уселась, привалившись спиной к серовато-коричневой шершавой коре. Виллим примостился рядом. Почти вплотную. Девушка не отстранялась, погруженная в свои мысли. И даже не сделала попытки прикрикнуть на него. Виллим хотел рассказать по случаю историю о двух горцах, выживших в метель, укрываясь одним плащом, когда их товарищи замерзли насмерть каждый под своим, но вовремя вспомнил смертоносный посох и сдержался от греха подальше.

Сон пришел незаметно. Беспокойный и чуткий. Поэтому легкого тычка локтем под ребра хватило для мгновенного пробуждения.

Дождь прекратился. От кустов и травы поднимался пар. Небольшая поляна, открывшаяся взору, вся была залита зеленоватым светом Старшей Сестры, сиявшей в южной части небесной сферы. Левее и ниже, подобно глазу неведомого хищника, сияла желтоватая половинка Младшей Сестры. Капли воды на острых зубчиках листьев кустарника сияли бриллиантами императорской короны.

«Какая красота!» – хотел воскликнуть Виллим, но осекся. Ласка настороженно всматривалась куда-то. Проследил за ее взглядом… Руки и ноги разом ослабели, словно из них выдернули все кости.

Вокруг прогалины, не приближаясь, но и не выказывая ни малейшей опаски, сидели на корточках шесть серебристых фигур. Седая шерсть играла и переливалась при свете Сестер, могучие руки – или передние лапы? – бугрились узловатыми тяжами мышц. Горбатые загривки. Пасти, окаймленные по краям влажным блеском клыков.

– Псоглавцы? – еле слышно прошептал Виллим.

– Если бы… – тихонечко отозвалась девушка. – Волкодлаки.

– Что делать будем? – Пальцы молодого человека против воли сжали висящий на груди кошель.

– Заткнись, а? – Страха в голосе Ласки не было, но не было и уверенности в победе.

Виллим послушно замолчал. Звери медленно приближались. Вернее, исчезали и тут же возникали. Отвел взгляд, вернул, а он уже на шаг-полшага ближе.

– Держись сзади, – буркнула Ласка, привычным движением освобождая косу.

Прикидывавший, как ловчей взобраться на дерево, Виллим не нашелся что ответить, а только заприметил выпученными от страха глазами, как она делает два долгих, скользящих шага…

Прыжок!

Коса щелкнула в воздухе как бич гуртовщика. Волкодлак взвизгнул, прянул в сторону – вместо глаза на светлой шерсти черным потеком растекалось кровавое пятно. Однако прочих это не задержало и на долю мига. С короткими взрыкиваниями они взяли девушку в кольцо, только слившийся в серое смертоносное колесо посох удерживал их на расстоянии.

Хрясь! Кончик посоха с маху врезался в чувствительные ноздри зверя, вынуждая его откатиться в сторону, жалобно визжа.

Щелк! Сухо, как валежина под сапогом, хрустнула лапа другого.

Коса металась из стороны в сторону, словно жила своею жизнью, пятнала шкуры зверей темными влажными росчерками.

Ласка не берегла сил, бросив в бой все умения и навыки. Только это могло дать призрачную надежду уцелеть. Не победить, а хотя бы отогнать хищников.

Но, сколь ни был Виллим неопытен в рукопашных схватках, понятно становилось – надежды на спасение нет. Приближались капканы челюстей к тонким, мелькающим в непрерывном танце рукам и ногам. Все чаще когти находили невидимые глазу бреши в обороне девушки. И вот уже левый рукав ее куртки повис бесформенными лохмотьями, правая штанина потемнела…

Судорожно втянув воздух сквозь зубы, Виллим бессильно сжал кулаки, сминая в горсти прошлогоднюю листву. Острый сучок впился в ладонь клыком змеи-стрелки. И это помогло стряхнуть наваждение.

Рывком он вскочил на ноги, прикинул высоту Сестер над линией горизонта, направление на Глаза Филина, не забывая про поправку на склонение линий Силы для земель окрест Дар-Кхосиса по южнокаллеронским картам. Времени искать подходящую палочку-стило не было, и Виллим воспользовался подвернувшимся под руку сучком.

«Значит так, круг – символ закольцованных энергий Сфер, длинный луч на Эфирный полюс, покороче – на Старшую, еще короче – на Младшую. Точка концентрации. Биссектриса, пересечение образующих. Есть! Угол атаки. Направление выброса…»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.